

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

В.П. Федюк, А.В. Урядова

**История русской эмиграции.
1917-1939 гг.**

Учебное пособие

*Рекомендовано
Научно-методическим советом университета
для студентов, обучающихся по специальности История*

Ярославль 2006

УДК 94(47+57)+325.2
ББК ТЗ(2)6я73
Ф 35

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного издания. План 2006 года*

Рецензенты:

Н.В. Обнорская, кандидат исторических наук;
кафедра отечественной истории Ярославского
государственного университета им. К.Д. Ушинского

Федюк, В.П. История русской эмиграции. 1917-1939 гг.: учеб.
Ф 35 пособие / В.П. Федюк, А.В. Урядова; Яросл. гос. ун-т. – Яро-
славль : ЯрГУ, 2006. – 100 с.
ISBN 5-8397-0470-9

В пособии рассматриваются численность, состав, расселение и основные политические течения русской эмиграции, а также культурная жизнь русского зарубежья.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 020700 История (дисциплина "Источники по истории русской эмиграции", блок ДС), очной формы обучения.

Библиогр.: 49 назв.

УДК 94(47+57)+325.2
ББК ТЗ(2)6я73

ISBN 5 8397-0470-9

© Ярославский государственный
университет им. П.Г. Демидова, 2006
©В.П. Федюк, А.В. Урядова, 2006

Введение

Эмиграция (от лат. *emigrare* – выезжать, выселяться) есть одно из проявлений миграционных процессов, характеризующих всю историю человечества. В этом смысле она может считаться явлением того же порядка, что и расселение или колонизация. Обычно эмиграцию трактуют как вынужденное или добровольное переселение из одной страны в другую. В данном случае отличительным признаком является то, что эмигрант меняет не только языковую и культурную среду, но и государственную принадлежность. Отсюда явствует, что возникновение эмиграции связано со становлением государства, со складыванием развитой системы государственных институтов.

Эмиграцию можно подразделить на экономическую, или трудовую, религиозную, национальную и политическую. К числу политических эмигрантов мы относим и тех, кто покинул родину из-за несогласия с существующей политической системой, и тех, кто стал жертвой религиозных или национальных гонений. Впрочем, деление на трудовую и политическую эмиграцию во многом условно. Эмиграция может быть также добровольной и вынужденной. Но опять здесь невозможно провести четкую грань. Любая добровольная эмиграция несет в себе элемент принуждения; с другой стороны, почти всегда человек, встающий перед необходимостью эмиграции, делает сознательный, т.е. в определенной степени добровольный, выбор. Так или иначе, беженцы – это весьма распространенная (особенно в наше время) категория эмигрантов, однако надо помнить, что не всякий эмигрант – беженец.

Мы уже отмечали, что об эмиграции можно вести речь лишь со времени становления развитой системы государственных ин-

ституттов. Поэтому в России, где государство в современном понимании этого слова возникло сравнительно поздно, эмиграция тоже имеет не столь давнюю историю. Вплоть до середины XIX в. можно говорить об эмигрантах из России, но еще нельзя вести речь о русской эмиграции как массовом явлении. Такое положение можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, эмигрировать из России было не так-то просто. Уже Соборное уложение 1649 г. объявляло самовольный отъезд за границу тягчайшим преступлением. Но главное даже не это. Человек, добровольно покидающий родину, как правило, выбирает в качестве нового места пребывания страну, где он чувствовал бы себя комфортно, где он быстро сумел бы адаптироваться к языку, культуре, традициям. На это способны по большей части люди со сравнительно высоким культурным и образовательным уровнем. Между тем образованный слой в России был весьма немногочисленным. Крепостной же крестьянин скорее убежал бы в Сибирь, благо на просторах России можно было скрыться без следа.

Ситуация существенно изменилась во второй половине XIX в. В 1857 г. был принят закон, определявший порядок выезда за рубеж. Обставлено это было множеством препятствий. Желающие получить заграничный паспорт должны были представить справку о благонадежности, трижды поместить объявление в газете о своем отъезде, чтобы оповестить возможных кредиторов отъезжающего и заплатить большую пошлину. Паспорт выдавался максимум на пять лет. Такие же сложные процедуры сохранял и Устав о паспортах, принятый в 1903 г. Надо сказать, что в российском законодательстве вплоть до революции сохранялась уголовная ответственность за распространение «заведомо ложных слухов о выгодах переселения за границу», иными словами, за пропаганду эмиграции.

Введение сравнительно упрощенных правил выезда за границу почти совпало с отменой крепостного права. Известно, что немалая часть крестьян, получив свободу, отправилась на заработки в город. Видимо, какое-то число из них решило попытаться счастья за границей. Так было положено начало массовой трудовой эмиграции. Конец XIX в. был временем складывания и

эмиграции политической. Однако эта революционная эмиграция не породила ничего подобного позднему русскому зарубежью и не только из-за незначительной численности, но и в силу своей мобильности. Большинство эмигрантов оставалось за границей от силы год-два, после чего возвращалось в Россию. Свое пребывание за границей они рассматривали как сугубо временное и потому после Февральской революции абсолютное большинство эмигрантов вернулось домой. Но прошел всего год, и мир столкнулся с новой волной русской эмиграции, куда более массовой и в итоге прочно осевшей за рубежом. Именно она и будет предметом дальнейшего рассмотрения.

История русской эмиграции – тема необъятная. По этой причине из всех многочисленных сюжетов, связанных с жизнью русского зарубежья, мы выбрали лишь самые главные. Это численность и состав эмиграции, районы расселения эмигрантов, особенности эмигрантского быта. Отдельно рассмотрены главнейшие политические течения в эмиграции, а также вклад русской эмиграции в мировую культуру. Главы с первой по четвертую написаны В.П. Федюком, глава пятая – А.В. Урядовой.

Глава 1.

Численность и состав русской эмиграции

Точную численность эмигрантов пореволюционной поры установить, наверное, невозможно. Рассеяны они были по множеству стран, да и кто взял бы на себя труд учесть каждого эмигранта? Этим занимались по ходу своей деятельности российские и международные организации, призванные оказывать помощь беженцам, но далеко не все беженцы становились на такой учет. Занимались этим и правительства тех стран, где расселялись эмигранты, но эмиграция, особенно в первые годы, была очень текучей, и, суммируя официальную статистику, мы наверняка получим неверные цифры. Пробовали подсчитать соотечественников и различные эмигрантские организации, но эти подсчеты производились, что называется, «на глазок».

Тем не менее все-таки какое-то представление о масштабах эмиграции получить можно. По данным американского Красно-го Креста, начало осени 1920 г. (т. е. еще до эвакуации армии Врангеля) в мире насчитывался 1 млн. 965 тыс. русских беженцев¹. Чуть меньшую цифру – 1,5 млн. – сообщал российский Красный Крест². По сведениям «Русского литературного общества в Дамаске», предпринявшего в 1923 г. попытку подсчета общего числа эмигрантов, их к этому времени насчитывалось свыше 2 млн. человек. Цифры, близкие к 2 млн., неоднократно фигурировали в 20-е гг. в различных документах Лиги Наций и на страницах эмигрантских газет. Хотя методика этих подсчетов зачастую непонятна, но, пожалуй, результат их приближается к истине. Нужно сказать, что в литературе фигурируют и другие,

---

¹ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919 – 1939. М., 1994. С. 38.

² Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. С. 18.

весьма отличные от этого показатели. Так, российский исследователь В.В. Костиков в своей книге приводит цифру в 10 млн. человек³. Правда, он включает сюда и коренное русское население тех территорий, которые после Гражданской войны оказались за пределами России (в первую очередь это некоторые районы Финляндии, Эстонии и Латвии), и не сумевших вернуться домой солдат русского экспедиционного корпуса времен Первой мировой войны, и прочих русских, разными путями нашедших свой дом за границей. Однако и с учетом этих оговорок приводимая Костиковым цифра нам представляется завышенной.

Но и два миллиона – цифра совершенно невообразимая. Мир дотоле не знал эмиграции таких масштабов. Справедливости ради нужно сказать, что появлению изгнанников из России двумя годами ранее предшествовала волна армянских беженцев, ставших жертвами геноцида, проводившегося турецкими властями. Но они в значительной степени осели в странах Ближнего Востока и в той же России, так что Европа не слишком ощутила их присутствие. Тем более неожиданным и пугающим стал тот поток, который в 1917 – 1920 гг. перехлестнул российские границы.

Эмиграция не была единовременной. Русские беженцы появились в странах Европы (преимущественно в Финляндии, Швеции и Германии) уже летом-осенью 1917 г., но поначалу их было немного. В начальный период Гражданской войны потоки беженцев еще скитались по территории России. Первой их остановкой летом 1918 г. стал Киев – столица Украинской державы гетмана П.П. Скоропадского, где еще сохранялась видимость уютной и спокойной жизни. Украинская столица в ту пору обрела вид, через пару лет ставший привычным для Берлина и Парижа: на каждом шагу здесь можно было встретить петербургских и московских знаменитостей – политиков, артистов, литераторов. Коренные киевляне, надо думать, чувствовали себя гостями в своем городе, теряясь на фоне шумных и бесцеремонных пришельцев. Ежедневно так называемые «украинские поезда» доставляли из Советской России новые толпы пассажиров, сумев-

---

³ Костиков В. Не будем проклинать изгнанье... Пути и судьбы русской эмиграции. М., 1990. С. 37.

ших или доказать свое «украинское» происхождение, или каким-нибудь другим путем добиться разрешения на выезд.

Однако киевская идиллия продолжалась недолго. В ноябре 1918 г. народное восстание уничтожило гетманский режим, на короткое время на Украине утвердилась петлюровская Директория. В глазах большинства беженцев петлюровцы были ничуть не лучше большевиков, и их приход к власти вызвал массовый исход из Киева. Несколько тысяч офицеров и гражданских лиц покинули город вместе с эшелонами эвакуировавшихся немецких войск. Так в Германии образовалась первая колония русских эмигрантов. Основной же беженский поток устремился на юг, в Одессу, где в это время высадился французский десант. Одесская эпопея продолжалась около четырех месяцев. В апреле 1918 г. французы неожиданно оставили город. Вместе с ними Одессу покинули несколько тысяч беженцев. Путь их лежал в Константинополь, где к ним присоединились беженцы из Крыма (там, правда, в меньших масштабах повторились одесские события). Эта первая волна стала предвестницей того потока, который хлынет на турецкие берега год-полтора спустя.

Эмиграция продолжалась и во второй половине 1918 и в 1919 г. Но за пределы страны выезжали тогда наиболее дальновидные одиночки, впрочем, их было немало. Наиболее же крупномасштабный исход разразился в начале 1920 г. К этому времени красные захватили инициативу на всех фронтах Гражданской войны. В Сибири под их натиском остатки разбитой колчаковской армии отошли за Байкал, где им удалось на некоторое время укрепиться. Но часть тех, кто воевал под знаменами Колчака, тогда же ушла за границу. Оренбургские и сибирские казаки под началом атаманов А.И. Дутова и Б.В. Анненкова отступили в северо-западный Китай (Синьцзян). Уральские казаки под командованием генерала Толстого, проделав тысячеверстный путь по безлюдным прикаспийским пустыням, сумели пробиться в Иран. Туда же, в иранский порт Энзели, ушли из Порт-Петровска (нынешней Махачкалы) корабли Каспийской военной флотилии. В те же самые дни на другом краю России Северо-Западная армия генерала Юденича с боями отступила на территорию Эстонии. Одновременно на ледоколах из Архангельска

было эвакуировано несколько тысяч гражданских беженцев и часть солдат и офицеров Северной армии генерала Миллера. Другая их часть пешим порядком смогла уйти в Финляндию и Норвегию.

Однако самые страшные сцены эвакуации разыгрывались в черноморских портах. В начале января 1920 г. белые вторично оставили Одессу. Окруженные в районе города войска и прибывшие к ним гражданские беженцы попытались уйти в Румынию, но румыны встретили их пулеметным огнем. После долгих мытарств отступавшие белые сумели все же добраться до польской границы. В самой Одессе эвакуация происходила в обстановке страшной паники. По приказу деникинского командования беженцы должны были быть перевезены в Крым, но большая часть их уже не верила ни во что и любым путем стремилась добраться до Константинополя. Именно в эти дни родилась горькая пародия на лермонтовские строки: «Бежать? Но куда же? На время не стоит труда, а вечно бежать невозможно...».

Главные же силы белых армий юга в это время отступали по кубанским степям к Новороссийску. Довольно многочисленный отряд, состоявший из донских и кубанских казаков, отбил от армии и вынужден был уйти в Грузию. Новороссийский порт являл собой тогда кошмарную картину. Потерявшие всякую дисциплину воинские части силой захватывали корабли. Для эвакуации было использовано все, что могло держаться на плаву. Баржи, буксиры, каботажные шхуны были переполнены людьми. В итоге армия была эвакуирована в Крым, большинство же гражданских беженцев оказалось все в том же Константинополе, грозившем уже превратиться в русский город.

Наконец, самая известная эвакуация – крымская, в ноябре 1920 г. Вопреки тому, что так любил изображать советский кинематограф, проходила она достаточно организованно и почти не сопровождалась паникой. Врангель питал не слишком много надежд на то, что ему удастся удержаться на клочке крымской земли, и готовил эвакуацию заранее. Крым покинули все, или, во всяком случае, большинство из тех, кто этого хотел. В Константинополь прибыл целый флот, на борту которого находилось

свыше 150 тысяч человек, включая солдат, офицеров и гражданских лиц.

С бегством из Крыма Гражданская война на территории Европейской России закончилась, но на окраинах страны очаги ее продолжали полыхать еще несколько лет. В 1921 г. Советская власть на красноармейских штыках была принесена в Закавказье. Начавшая было складываться в Грузии русская эмиграция должна была продолжить свой путь дальше. В том же году белые были выбиты из Забайкалья. После этого забайкальские казаки тысячами стали уходить в соседнюю Маньчжурию. В октябре 1920 г. рухнул последний оплот белых в Приморье. На кораблях Сибирской военной флотилии под началом адмирала Старка остатки белых армий и гражданские беженцы из Владивостока были вывезены в Шанхай.

Отдельные ручейки эмиграции имели место и после окончания Гражданской войны. Осенью 1921 г. из Советской России была выслана большая группа так называемых «внутренних эмигрантов» – представителей той части интеллигенции, которая находилась в оппозиции к новой власти. Вообще в начале 1920-х гг. высылка за границу была своеобразной формой наказания, заменявшей тюремное заключение (таким образом в эмиграции оказались, например, экономист и общественный деятель Прокопович, историк Мельгунов). Поначалу большевики не мешали выезду за границу и членов семей эмигрантов, но скоро этому пришел конец. Советский Союз замкнулся в своих границах, и эмиграция пополнялась лишь изредка за счет немногих беженцев, которым удавалось перейти границу, и «невозвращенцев», т. е. советских дипломатов и командированных, выступивших с просьбой о политическом убежище.

Итак, эмиграция вобрала в себя самых разных людей, принадлежавших к разным социальным и возрастным группам, живших до этого в разных районах страны, занимавшихся в той прежней жизни делами самого несхожего рода. Это понятно уже исходя из того, какими путями шло формирование русского зарубежья. Но есть ли какие-то конкретные цифры, способные подтвердить это? В общем-то, есть, хотя исчерпывающей считать эту информацию все же нельзя.

В нашем распоряжении имеются несколько источников, позволяющих реконструировать состав эмигрантов. Во-первых, это сведения, собранные отделением русского Красного Креста в болгарском городе Варна. На протяжении почти четырех лет – с 1919 по 1922 г. – в отделении велась строгая регистрация всех обратившихся за помощью. В итоге набралось более 3 тыс. анкет, содержащих весьма любопытные данные. Во-вторых, такие данные содержат результаты обследования, проведенного в 1921 г. среди русских эмигрантов в Югославии. В-третьих, в архиве сохранились сведения (они датированы началом 1922 г.) о профессиональном составе 30 тыс. русских эмигрантов в Константинополе. Как видно, информация эта почти синхронна по времени, что позволяет использовать ее параллельно, но, разумеется, в каждом случае применялся свой вариант опросной анкеты, в результате данные получаются не всегда сопоставимыми. Но все же на размышления они навести способны.

Итак, что же мы имеем? Прежде всего, русская эмиграция действительно была русской. Из числа зарегистрировавшихся в Варне русскими себя назвали более 95%. На следующем месте были евреи. Впрочем, этот показатель мало о чем говорит. Русское дворянство и интеллигенция всегда были многонациональны по составу, причем «инородческие» вкрапления очень быстро ассимилировались в русской культурной среде. Врангеля трудно назвать шведом, хотя его предки были выходцами именно из Швеции, равно как несомненно русским был Деникин, несмотря на то, что по матери он мог считаться поляком. Американский исследователь М. Раев замечает, что абсолютное большинство евреев, а также значительная часть грузин, немцев и представителей других национальностей в эмиграции воспринимали себя как русских.

Гораздо интереснее другая статистика. Среди эмигрантов в Варне более 70% составляли мужчины. Примерно такой же показатель – 69% – дали результаты обследования эмигрантов в Югославии. Причем две трети от этого числа относились к возрастной группе 18 – 45 лет⁴. Большинство эмигрантов-мужчин

---

⁴ Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. С. 18.

были одинокими или разлученными с семьями, в то время как женщины, как правило, состояли в браке. Это нетрудно понять: женщины обычно оказывались в эмиграции вместе с мужьями.

Очень трудно получить какую-то определенную картину в отношении социального и профессионального состава эмигрантов. Константинопольское обследование (а оно касалось более 30 тыс. человек) дает весьма странные результаты. Офицеров среди эмигрантов в Константинополе числилось чуть более 12%. На первый взгляд, это может показаться непонятным, ибо мы привыкли воспринимать пореволюционную эмиграцию прежде всего как эмиграцию военную. Однако на самом деле это было не так. Среди эмигрантов абсолютно преобладали гражданские беженцы, не участвовавшие в Гражданской войне ни на той, ни на другой стороне. Об этом нетрудно догадаться, даже не прибегая к данным о профессиональном составе эмигрантов. Если суммировать численность всех белых армий, мы все равно получим цифру гораздо меньшую, чем два миллиона. Но это еще не главный повод для удивления. На первом месте в результатах константинопольского обследования идут не офицеры, а странная категория, названная «земледельцы, сельские хозяева, огородники». И лишь немного отстают от офицеров по численности чернорабочие. Как же так получилось, что эмигрировали исключительно огородники и чернорабочие?

Все дело в том, что сами заполнявшие анкету не слишком представляли, что в ней писать. Профессия, а какая профессия? Довоенная, род занятий ко времени эмиграции или та профессия, которую пришлось освоить уже на чужбине? В ответах встречается и первое, и второе, и третье. Кем мог назвать себя 20-летний поручик, прямо с гимназической скамьи угодивший в армию (а таких было немало, если не большинство)? Офицером, ведь ничего другого, как воевать, он не умел, или чернорабочим, если ему пришлось в Константинополе таскать мешки в порту. Что до категории «земледельцы, сельские хозяева и огородники», то здесь мог оказаться и бывший профессор, пытающийся для прокорма семьи разводить огурцы. Но, конечно, среди «земледельцев» большинство это рядовые солдаты и казаки. Крестья-

янин продолжал ощущать себя крестьянином, даже если ему уже который год приходилось носить шинель.

Более точные представления о социальном составе эмигрантов дают данные об их образовательном уровне. По сведениям М. Раева, две трети взрослых эмигрантов имели среднее образование и каждый седьмой – университетский диплом⁵. С этим согласуются данные обследования в Варне: почти 60% беженцев принадлежали к категории лиц интеллигентных профессий. Таким образом, среднестатистический эмигрант, только что оказавшийся за пределами России, – это одинокий мужчина в возрасте 20 – 40 лет, имевший за плечами гимназию или университет. Можно представить себе, какой же огромной потерей стала эмиграция для России, если страну покинуло такое количество работоспособных мужчин, причем составляющих лучшие в профессиональном отношении кадры или способные стать таковыми. Но и жизнь самой эмиграции тоже в значительной степени была определена этими демографическими показателями.

Заметное преобладание мужчин над женщинами привело к тому, что эмиграция фактически не имела источников естественного восполнения численности. Русские эмигранты, во всяком случае на первых порах, сознательно противились ассимиляции, рассчитывая в ближайшее время вернуться на родину, освобожденную от большевиков. Поэтому они предпочитали селиться компактными общинами и все проблемы, в том числе и семейные, решать в своей среде. Нехватка же русских невест привела к тому, что большинство мужчин-эмигрантов так и оставались холостяками. Разумеется, смешанные браки тоже имели место, но это не было системой. Может быть, эмигрантов-мужчин побуждало вести одинокую жизнь даже не столько нежелание вступать в брак с иностранкой, сколько то обстоятельство, что и сами иностранки не слишком-то зарились на русских, большинство из которых не имели ни гроша за душой. В итоге численность эмиграции сокращалась очень быстрыми темпами.

---

⁵ Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919 – 1939. С. 39.

Но не только естественная убыль была причиной такого сокращения. Еще одним обстоятельством, приводившим к этому, было то, что часть эмигрантов натурализовались, т. е. получали гражданство страны пребывания. Впрочем, вероятно, число таких было невелико. Это связано было и с принципиальным нежеланием многих окончательно порывать с родиной, и с трудностями, которыми был обставлен процесс натурализации. В большинстве стран, где расселились русские эмигранты, получить местное гражданство было для них делом фактически невозможным. В юридическом отношении эмигранты находились на положении людей, которых не существует. Дело в том, что в декабре 1921 г. ВЦИК и Совнарком РСФСР приняли постановление «О лишении прав российского гражданства». Согласно этому документу, российского гражданства лишались следующие категории лиц: а) выехавшие за границу более пяти лет назад и не получившие от советских дипломатических представительств советских паспортов; б) выехавшие из России после 7 ноября 1917 г. без разрешения Советской власти; в) добровольно служившие в армиях, сражавшихся против Советской власти. Подпадавшие под второй и третий пункты этого постановления теоретически могли восстановить советское гражданство, подав соответствующее заявление в ближайшее посольство или консульство, но понятно, что для большинства эмигрантов этот путь был принципиально исключен.

Таким образом, русские эмигранты превратились в апатридов – лиц без гражданства, а значит, юридически перестали существовать. Однако, поскольку речь шла об огромной массе людей, оставлять дело в таком виде было невозможно. В июне 1921 г. в составе Лиги Наций был учрежден Секретариат по беженским делам. Одним из условий его создания было то, чтобы русские не занимали никаких, включая технические, постов в его составе. Верховным Комиссаром Лиги Наций по делам беженцев стал известный норвежский полярный исследователь Фритъоф Нансен. В июле 1922 г. межправительственным соглашением для русских беженцев были введены специальные международные сертификаты, в обиходе получившие название "нансеновские паспорта". Собственно, это был не паспорт, а большой

лист бумаги с наклеенной на него маркой, где был изображен портрет Нансена. Марка свидетельствовала о том, что обладатель сертификата заплатил очередной ежегодный взнос за его возобновление. Половина суммы от продажи марок шла правительству страны, где проживал эмигрант, вторая половина отчислялась в распоряжение Лиги Наций на гуманитарную помощь беженцам.

"Нансеновский паспорт" не был настоящим документом. Признавать его или не признавать, зависело от правительства той или иной страны. Но он, во всяком случае, давал право на работу, переезд через границу. Действовали "нансеновские паспорта" вплоть до Второй мировой войны. Русские эмигранты довольно скоро почувствовали, что даже этот ни к чему не обязывающий сертификат ставит их в привилегированное положение. Беженцы последующих лет, например, те, кто покинул нацистскую Германию, ничего подобного не имели и остро завидовали русским.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите существующие в исследовательской литературе мнения относительно численности пореволюционной эмиграции.
2. Перечислите основные этапы формирования эмиграции.
3. Каков был возрастной, национальный и социальный состав эмиграции?
4. Что представлял собой юридический статус русских эмигрантов?

Глава 2.

Основные центры расселения эмигрантов

Первоначально главный поток эмигрантов устремился прежде всего в страны, сопредельные с Россией. Однако уже через несколько лет произошло перераспределение. Во многих государствах, как, например, в Турции, где еще недавно русских было великое множество, их остались считанные единицы. На расселение беженцев влияло несколько обстоятельств. Прежде всего, вполне естественно, что они искали место, где можно было найти работу, где жизнь была бы недорогая, но обеспечивающая хотя бы минимальный комфорт. Немалую роль играло и то, как относились к эмигрантам власти той или иной страны, насколько они готовы были их принять и предоставить работу. Важным фактором была культурная и языковая близость. По этой причине во всех славянских странах, за исключением Польши, сложились многочисленные колонии русских эмигрантов, а, предположим, в Иране, Афганистане, той же Турции их насчитывались лишь единицы. И наконец, как и в случае с дореволюционной эмиграцией, беженцев привлекали центры, уже обжитые русскими. Вряд ли бы возникла многочисленная эмигрантская колония в Северо-Восточном Китае (уж слишком чужой и непонятной была китайская культура), если бы здесь не было КВЖД с ее русской обслугой, если бы еще до революции не был построен русский Харбин.

Как мы уже отмечали, первый поток эмигрантов захлестнул прежде всего страны, сопредельные с Россией. Эти пограничные государства, образовавшиеся, как правило, на окраинах бывшей Российской империи, в ту пору было принято называть «лимитрофами» (т. е. пограничьем). Это Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния. В январе 1920 г. на территорию Эстонии отступила Северо-Западная армия генерала Юденича. Здесь солдаты и офицеры были размещены в лагерях под охраной эс-

тонских войск. Условия лагерной жизни были крайне тяжелыми, и это не раз вызывало среди заключенных волнения, жестоко подавлявшиеся эстонцами. В марте того же года эстонский парламент принял декрет о принудительной мобилизации на лесозаготовки лиц «без определенных занятий», под которыми прежде всего имелись в виду русские беженцы. Фактически из одного лагеря они попали в другой. Беженцы были лишены свободы передвижения, за свой труд они получали гроши. Неудивительно, что большинство из них поспешили покинуть Эстонию сразу же, как только для этого представилась возможность.

Согласно переписи 1922 г. в Эстонии проживала 91 тыс. русских. Из них 73 тыс. были гражданами республики, т. е. на долю собственно эмигрантов приходилось примерно 18 тыс., причем это число неуклонно снижалось⁶. Что касается коренных жителей, то это прежде всего было русское население района Ивангорода, Изборска и восточного берега Чудского озера, отошедших к Эстонии по Юрьевскому мирному договору 1920 г. Правительство Эстонии, как и власти других новых государств, образовавшихся на окраинах прежней Российской империи, стремилось любыми путями уничтожить память о русском владычестве. В Таллине был снесен памятник Петру I, закрывались русские школы. К тому же Эстония была глухой провинцией Европы, где жизнь текла медленно и скучно. В итоге здесь остались только те, у кого не было денег на то, чтобы уехать еще куда-нибудь. Среди живших в Эстонии эмигрантов почти не было крупных имен. Единственный, кто заслуживает упоминания, это Игорь Северянин – поэт, в предреволюционные годы покорявший столичные салоны. Северянин еще в январе 1918 г. уехал из голодного Петрограда в маленькую эстонскую деревушку, да так и застрял здесь. Некоторое время он еще продолжал писать стихи, хотя от экзотических «поэз» перешел к чистой лирике, но вдали от родины талант Северянина стал угасать, и в последние годы жизни он больше занимался переводами, нежели создавал собственные произведения.

---

⁶ Исаков С.Г. Русские в Эстонии. 1918 – 1940. Тарту, 1996. С. 7.

Похожим было положение эмигрантов в соседней Латвии. Здесь коренное русское население было представлено в еще большем числе. Фактически вся Латгалия (т. е. левый берег Западной Двины) была населена русскими, русские и евреи преобладали среди населения Двинска (Даугавпилса), да и в Риге их было немало. Общая численность русских в Латвии составляла более чем 200 тыс. человек, из них примерно 40 тыс. приходилось на долю собственно эмигрантов. Первоначально они пользовались здесь большими правами, нежели в Эстонии. Русский язык, наряду с латышским и немецким, относился к разряду официальных. Лишь с середины 1920-х гг., когда президентом Латвии стал Карл Ульманис, в стране был взят курс на ликвидацию прав национальных меньшинств. Тем не менее Рига оставалась городом, весьма притягательным для эмигрантов, так сказать, «Парижем для бедных». Здесь существовало множество русских издательств, а газета «Сегодня» входила в первую пятерку эмигрантских периодических изданий⁷. В какой-то мере это можно объяснить тем, что немалая часть влиятельных представителей латвийских политических кругов, в первую очередь военных, продолжала с симпатией относиться к России и русским. Все помнят «красных» латышских стрелков, но менее известно, что существовали и «белые» латышские стрелки. Среди них можно назвать генерала К. Гоппера – одного из активных участников ярославского восстания 1918 г. Позднее Гоппер служил у Колчака, а вернувшись на родину, стал председателем Военного совета латвийской армии. Выйдя в отставку, он предпочитал носить русский, но не латвийский военный мундир. Гоппер был арестован и расстрелян в ноябре 1940 г. после прихода в Латвию Красной Армии.

В Литве русских эмигрантов было мало – не более 7 – 8 тысяч. Литва, бедная «картофельная республика», не имевшая даже своей столицы, была слишком большим захолустьем. Вильнюс, историческая столица, в ту пору был оккупирован Польшей и временной столицей республики считался Каунас. Из числа

---

⁷ Абызов А. Русское печатное слово в Латвии // Балтийский архив. Т. 2. Таллин, б/г. С. 140.

эмигрантов с именем в Литве жил Верховный комиссар Временного правительства в действующей армии Владимир Станкевич (перекрестивший себя во Владаса Станка), в Каунасском университете работал известный философ Л.П. Карсавин, но это, пожалуй, и все.

Финляндия – самое большое из государств-«лимитрофов» – отхватила и самый большой кусок российской земли. С подачи большевиков в границы Финляндии вошли Печенга (полуостров Рыбачий), Карельский перешеек, едва ли не половина Карелии, остров Валаам со знаменитым монастырем. В Финляндии не велся учет коренного русского населения, но о том, что его было немало, говорит то обстоятельство, что в стране насчитывалось около 450 тыс. православных, причем только 50 тыс. из них были финнами. Немало русских фамилий оставили в истории Финляндии свой след. До сих пор главным производителем спиртных напитков в стране остается фирма «Синебрюхов», уже названием своим свидетельствующая о происхождении основателя. В Финляндии жила еще одна категория русских, которую формально трудно отнести и к коренным жителям, и к эмигрантам. Это «дачники». До революции административная граница Финляндии пролегла в пятнадцати верстах от Петербурга и многие состоятельные жители столицы покупали себе дачи на Карельском перешейке. С началом Гражданской войны дачи эти неожиданно оказались за границей, а их обитатели превратились в эмигрантов. Так произошло с писателем Леонидом Андреевым. Из его дома в ясную погоду был отчетливо виден Кронштадт, но это была уже другая страна.

Собственно же эмигрантов в Финляндии было не так много – 20 – 25 тыс., хотя через финскую границу вплоть до середины 1920-х гг. шел основной поток беженцев⁸. В Финляндии гораздо меньше проявляла себя дискриминационная политика по отношению к русским (в центре Хельсинки до сих пор стоит памятник Александру II), наверное, уезжать эмигрантов скорее за-

---

⁸ Тетеревлева Т.П. Северная российская эмиграция: генезис и адаптационные процессы. 1918 – 1930 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 1997. С. 14.

ставляла царившая в стране скука, «идиотизм деревенской жизни». Из заметных эмигрантов в Финляндии можно назвать Анну Вырубову – бывшую фрейлину императрицы, чье имя стало широко известно в связи с распутинской историей. Вырубова жила тихо и незаметно и умерла только в 1964 г.

В Норвегии русских эмигрантов было немного – менее тысячи человек. Ничем примечательным эмигрантская колония здесь себя не проявила. То же самое можно сказать и о Швеции. В Дании эмигрантов тоже насчитывались единицы, но здесь жила одна из самых знаменитых русских беженок – вдовствующая императрица Мария Федоровна, до замужества датская принцесса Дагмара. От красного террора ее спасло то, что с лета 1917 г. она жила в Крыму. Здесь ей пришлось пережить и приход большевиков, и немецкую оккупацию. Лишь весной 1919 г. вместе с другими представителями семейства Романовых Мария Федоровна на английском миноносце выехала за границу. Поселилась она в Копенгагене, где ее племянник король Христиан X позволил ей жить во флигеле своего дворца. Отношения между теткой и племянником складывались из рук вон плохо. Как-то король прислал к ней своего лакея с упреком, что ему слишком много приходится платить за электричество. В ответ Мария Федоровна приказала зажечь в своем флигеле все лампы от чердака до подвала. Наконец в дело вмешался другой ее племянник – английский король Георг V, выделивший тетушке ежегодную пенсию в 10 тыс. фунтов. Умерла Мария Федоровна в 1928 г.

Как ни странно, но в Польше русских эмигрантов тоже было немного. Странно, потому что Польша, казалось бы, давними узами была связана с Россией. Но польское правительство побило все рекорды в русофобстве. В стране закрывались русские церкви, не существовало ни одной русской газеты или журнала. Первоначально польские власти все же привечали некоторых эмигрантов. Именно в Варшаве располагался Народный союз защиты Родины и свободы Б.В. Савинкова. Но после того как Савинков попал в руки ОГПУ, польская «дефензива» (охранка) сделала ставку на национальную эмиграцию. Под крылом «дефензивы» в Польше действовал союз «Прометей», объединявший грузинские, азербайджанские, туркестанские и даже калмыцкие эмигрантские

организации. В русских же польские власти видели тайных союзников террористов из Украинской повстанческой армии С. Бендеры, наделавших много шума убийствами польских чиновников, губернаторов и министров. Примерно так же обстояли дела и в Румынии. В 1918 г. Румыния аннексировала Бесарабию и делала все, чтобы уничтожить следы русского влияния в крае.

Особая тема – судьба русских эмигрантов в Турции. В начале ноября 1920 г. на рейде турецкой столицы появились корабли, доставившие беженцев из Крыма. В крымских портах было мобилизовано все, что могло держаться на плаву. Всего в море вышло 126 судов, включая даже старую землечерпалку, которая в другое время не рискнула бы пересечь Керченский пролив. По счастью, море было спокойным и большинство судов беспрепятственно сумели добраться до цели. Разумеется, на кораблях не было такого количества продовольствия, которое было бы рассчитано на гигантскую массу беженцев, и уже во время плавания начался голод. Люди ждали, когда же наконец доберутся до берега, но в Константинополе их не спешили выпускать в город. Союзническая (англо-французская) администрация, хозяйничавшая в ту пору в турецкой столице, боялась этой голодной и нищей орды. На берег выпускали только тех, кто имел в городе родственников или знакомых, гарантировавших, что новые пришельцы не станут нахлебниками у союзников. В итоге беженцам пришлось провести на судах еще две недели, прежде чем было принято решение об их дальнейшей судьбе.

Лишь в конце ноября было объявлено, что военнослужащие и члены их семей будут расквартированы вне пределов Константинополя. Гражданским же беженцам было предоставлено право выживать как они сами сумеют. Всего, по сведениям самого Врангеля, из Крыма было эвакуировано 145 693 человека⁹. Солдаты, офицеры и казаки составляли около 70 тыс., следовательно, гражданских лиц было столько же и даже больше. Теперь они заполнили улицы Константинополя, прибавившись к тем 50 тысячам русских, которые попали сюда в предыдущие годы.

---

⁹ Врангель П.Н. Записки. Т. 2. М., 1990. С. 214.

Современники вспоминали, что Константинополь тогда представлял собой странную картину. Вот как писал об этом поэт-сатирик Дон Аминадо (А.П. Шполянский): «Кроаты в лентах, сербы в бантах, какой-то сир, какой-то сэр, поляки в адских аксельбантах и итальянский берсальер... Малайцы, негры и ацтеки, ковбой, идущий напролом, темно-оливковые греки, армяне с собственным послом... В земле ворочались предки, а над землей был стон и звон, и сто четыре контрразведки венчали новый Вавилон»¹⁰. В эту-то интернациональную толпу и влился мощный русский поток.

На улицах города, прежде всего на знаменитой Пере (ее, естественно, сразу перекрестили сначала в Перовую, а затем в Перинную улицу), во множестве появились русские комиссионные лавки, где торговали тем добром, которое беженцы сумели вывезти из Крыма. Здесь же располагались многочисленные закусочные, кабаре и рестораны. В кабаре пели знаменитые цыганские певицы, читал свои скетчи Аркадий Аверченко. В мир стамбульских развлечений русские добавили нечто новое – тараканьи бега, описанные в пьесе М.А. Булгакова «Бег» и повести А.Н. Толстого «Похождения Невзорова». Те же из беженцев, у кого за душой не было ни одной турецкой лиры, нанимались грузчиками, торговали вразнос всякой дрянью (вспомнить хотя бы булгаковского генерала Чарноту, продававшего «комиссаров на резинке») или просто жили за счет бесплатного супа, раздававшегося американским Красным Крестом. Женщинам подчас приходилось идти на панель, отсюда ироническое прозвище «мадам Лирская», которым называли русских проституток.

Как мы уже отмечали, регулярные воинские части были размещены вне пределов Константинополя. Донские казаки были расквартированы в районе Чаталджи, километрах в 50 – 60 к северу от города. Кубанских казаков союзники отправили на остров Лемнос. Остальная же часть солдат и офицеров, общим числом около 26 тыс. человек, была размещена близ города Галлиполи. Галлиполийский полуостров представляет собой северный берег пролива Дарданеллы. Город Галлиполи был жестоко разрушен в

---

¹⁰ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 232.

Первую мировую войну во время неудачной попытки союзников захватить Дарданеллы, поэтому русских солдат разместили на пустынной каменистой равнине за городской чертой. По этой причине незнакомое название Галлиполи уже через несколько дней превратилось в Голое поле. Для жилья французы предоставили многоместные парусиновые палатки. От дождя они спасали, но зимой (а она и на средиземноморском побережье бывает суровая) здесь было страшно холодно. Питались жители галлиполийского лагеря большей частью консервами из походного рациона французской армии. Французы оплачивали питание беженцев только первый месяц, а затем потребовали деньги в оплату. Для этой цели Врангелю пришлось реализовать ценности Петроградской ссудной казны (проще говоря, ломбарда), которые в свое время неведомым путем попали в Крым, а теперь были вывезены за границу. Сам Врангель только дважды посетил Галлиполи: большей частью он находился в Константинополе, выбивая деньги и поддержку у союзников. Хозяином же лагеря стал командир 1-го армейского корпуса (так стали называться части, расквартированные в Галлиполи) генерал А.П. Кутепов.

В галлиполийском лагере Кутепова звали Кутеп-паша (или Инжир-паша). Его уважали и боялись. По мысли Врангеля, армия должна была и за пределами России оставаться боеспособной единицей. Эвакуация (о эмиграции еще никто не думал) рассматривалась как досадная случайность, лишь отсрочившая долгожданный поход на Москву, к которому нужно было быть готовым ежечасно. С этой целью Кутепов поддерживал в лагере жесточайшую дисциплину. В первый же день был учрежден корпусной суд, продолжавший выносить приговоры вплоть до смертной казни (и семь человек действительно было расстреляно), не говоря о тюремном заключении и каторжных работах. Для того чтобы у обитателей лагеря не оставалось свободного времени, Кутепов ежедневно устраивал смотры, парады, маневры. Был разработан дуэльный кодекс и командование корпуса целенаправленно поощряло дуэли (правда, в моду вошли дуэли необычные – на винтовках). Одной из затей Кутепова было сооружение в Галлиполи памятника русским солдатам и офицерам (выяснилось к тому же, что здесь во время Крымской войны со-

держались русские военнопленные, многие из которых были похоронены на местном кладбище). Для этого каждому из обитателей лагеря было предписано принести камень весом не менее десяти килограммов. Из этих камней и был воздвигнут монумент – низкое цилиндрическое основание с конусообразным завершением, которое венчал православный крест. Памятник простоял до конца 1930-х гг., когда он был разрушен землетрясением. Позднее на парижском кладбище Сен-Женевьев де Буа была воздвигнута его уменьшенная копия. С подачи Кутепова Врангель учредил и особый нагрудный знак в память «галлиполийского сиденья» – черный равноконечный крест с надписью по середине – "Галлиполи" и датами "1920 – 1921".

Однако, несмотря ни на что, дисциплина в галлиполийском лагере неуклонно падала. Самым распространенным проступком стало дезертирство. Уже спустя полгода за счет дезертирства и смертей численность обитателей лагеря сократилась на две с лишним тысячи. К тому же союзники настоятельно требовали от Врангеля скорейшей отправки русских беженцев из Турции. Дело в том, что в это время в Анатолии уже всюду разгоралось восстание под предводительством Кемаля Ататюрка и союзное командование опасалось, что непредсказуемые русские, хорошо организованные да к тому же тайно сохранившие немало оружия, могут выступить в поддержку кемалистов. Врангель долго сопротивлялся, но в начале лета 1921 г. был вынужден отдать приказ о передислокации. В течение нескольких предшествующих месяцев Врангель вел переговоры с правительствами Югославии и Болгарии о предоставлении временного убежища русской армии на тех же основаниях, на которых она находилась в Галлиполи. Заручившись согласием, хотя и очень невнятно выраженным, главнокомандующий и объявил свое решение.

В августе 1921 г. первый корабль вышел из Галлиполи в болгарский порт Варну, окончательно же передислокация завершилась лишь в ноябре того же года. Одновременно в Болгарию и Югославию были вывезены и казаки с Лемноса (туда же были переведены и донские казаки из Чаталджи). В Болгарии казаки и части 1-го армейского корпуса были размещены в пустующих казармах, где продолжали жить по законам военной

дисциплины. Болгария, в Первую мировую войну воевавшая на стороне Германии, по условиям мирного договора вынуждена была впятеро сократить свою армию, и русские эмигранты, пусть и лишенные оружия, представляли собой грозную для этой страны силу. Видимо, это внушало неодолимый испус. Многие советовали Врангелю воспользоваться этим обстоятельством и осуществить в Болгарии государственный переворот с тем, чтобы превратить ее в плацдарм для будущего вторжения в Россию, но главнокомандующий предпочел не ввязываться в эту авантюру. Возможно, дело это пахло и провокацией. Во всяком случае, когда осенью 1923 г. болгарские коммунисты неудачно попытались организовать в стране восстание, одним из их лозунгов был призыв изгнать из Болгарии врангелевцев, якобы готовящих свержение законных властей. Впрочем, отток эмигрантов из Болгарии произошел и без всяких насильственных мер. В начале 1923 г. было объявлено, что штаб главнокомандующего больше не имеет средств на финансирование пребывания армии в Болгарии, и воинским чинам было предложено самостоятельно искать себе жилье и работу. Найти ее в Болгарии было трудно, и постепенно беженцы разбрелись по другим странам, где жизнь была проще и легче. Если в 1922 г. в Болгарии насчитывалось свыше 50 тыс. русских эмигрантов, то к концу десятилетия это число сократилось вдвое.

Без особого труда найти себе место в Болгарии могли лишь люди, обладавшие высокой квалификацией. Скажем, русский врач с дипломом без работы бы не остался. Могли устроиться известные ученые, артисты, в какой-то мере журналисты и литераторы. В Софии в 1920-е гг. выходила ежедневная газета «Русь», несколько журналов на русском языке, при Софийском университете действовало русское научное общество. Но скука провинциальной жизни заставляла многих, на отсутствие работы не жаловавшихся, все же уезжать из страны.

Более теплый прием русские беженцы нашли в Югославии, точнее в Королевстве СХС – сербов, хорватов и словенцев, как тогда называлась страна. Югославский король Александр был воспитанником петербургского Пажеского корпуса, сам отлично говорил по-русски и чувствовал себя обязанным перед Россией и

русскими беженцами. С его согласия часть бывших казаков и офицеров была взята на службу в пограничную стражу, причем в ряде случаев за ними даже сохранялось право носить русскую форму. Другие получили работу на лесозаготовках, строительстве дорог и т.д. Власти Югославии взяли на себя выплату пенсий русским инвалидам. На деньги югославского правительства продолжали существовать шесть русских военных училищ и кадетских корпусов. В сербском городке Сремски Карловцы размещен штаб Врангеля. В Белграде выходила ежедневная газета «Новое время», издававшаяся Б.А. Сувориным. Всего же в Югославии находилось до 50 тыс. эмигрантов. К началу Второй мировой войны число их, правда, сократилось до 30 – 35 тыс., но все равно оставалось значительным.

Соседняя Греция была лишь временной остановкой на пути русских беженцев. В 1920 – 1921 гг. в районе Салоник и близ Афин существовали беженские лагеря, но большая часть их обитателей вскоре перебралась в другие страны. А вот об Албании нужно рассказать немного подробнее, потому что с этой страной связана довольно любопытная и малоизвестная история. На политической карте Европы Албания появилась лишь в 1912 г. после первой Балканской войны. Появилась, но долгое время оставалась только названием на карте, и ничем иным. Единого правительства в стране не было. За пределами столицы реально властвовали местные паши, жившие еще по законам средневековья. Неудивительно, что немецкий князь Вильгельм Вид, посаженный великими державами на трон Албании, через полгода бежал со своей новой родины. Лишь в начале 1920-х гг. у Албании появился шанс полноправно войти в число европейских держав. В стране было создано умеренно-либеральное правительство во главе с католическим епископом Фантосом Ноли, попытавшееся осуществить необходимые для продвижения к цивилизации реформы. Но феодалы-магнаты сумели возбудить недовольство среди диких горных племен, поднявших восстание против центральных властей. Во главе его встал Ахмет Зогу – сын последнего турецкого правителя Албании. Албанские горцы могли проявлять на поле боя чудеса героизма, но вооружены они, как правило, были лишь кремневыми ружьями и не имели

никакого представления о тактике современной войны. Поэтому Зогу нанял на службу отряд бывших русских офицеров числом около 300 человек. Этого оказалось достаточно для того, чтобы Зогу смог провозгласить себя президентом Албании, а через несколько лет и королем. Русские эмигранты-кондотьеры, посадившие его на трон, получили пожизненное содержание, но большинство из них предпочло все же покинуть страну, не выдержав невыносимой скуки. Впрочем, вплоть до начала Второй мировой войны именно русские возглавляли королевскую гвардию, командовали артиллерией, занимали другие крупные посты в албанской армии (любопытно, что большинство из этих ново-явленных албанских генералов в России в лучшем случае имели чин поручика).

В Венгрии, если, наконец, мы уйдем с Балкан в центральную Европу, отношение к русским эмигрантам было неплохим. Дело в том, что Венгрия на себе почувствовала, что такое большевизм в недолгие дни существования Венгерской Советской республики. Поэтому правительство адмирала Хорти рассматривало «белых русских» как своих единомышленников. К тому же жизнь в Венгрии была куда как дешевле, нежели в других европейских странах. В Венгрии, например, три года, с 1922 по 1925, прожил А.И. Деникин. Именно здесь он закончил работу над «Очерками русской смуты». Но все та же провинциальная скука (и невероятно трудный язык, непостижимый для любого европейца) привели к тому, что эмигрантов здесь жило немного.

Отдельный разговор о Чехословакии. Чешское национальное движение издавна ориентировалось на Россию. Многие видные чешские политики, включая «отцов-основателей» Чехословацкой республики – Крамаржа и Масарика, прежде неоднократно бывали в России, хорошо знали русский язык и испытывали глубокое уважение к русской культуре. Это обстоятельство, видимо, можно считать одной из причин широкомасштабной «русской акции», предпринятой правительством Чехословакии. Суть ее заключалась в целенаправленной государственной поддержке эмигрантов из России. На эти цели власти Чехословакии расходовали больше средств, чем правительства

всех остальных европейских стран, вместе взятые¹¹. Но «русская акция» не только носила гуманитарный характер, но и диктовалась вполне прагматическими причинами. Молодое государство испытывало острую нехватку квалифицированных кадров, русская же эмиграция, как мы уже знаем, в значительной мере состоявшая из людей с высоким уровнем образования, могла стать немалым резервом для восполнения этой нехватки. И еще одно обстоятельство: в начале 1920-х гг. казалось, что свержение большевиков есть вопрос ближайшего времени. Чехословацкое же правительство полагало, что, вернувшись на родину, эмигранты, нашедшие ранее приют среди братьев-славян, не забудут этого и новая Россия станет верной союзницей и покровительницей Чехословакии.

В рамках «русской акции» чешские власти осуществляли целенаправленную селекцию эмигрантов. Вид на жительство в стране получали прежде всего высококвалифицированные специалисты – профессора, врачи, инженеры, а также интеллигентная молодежь, не успевшая на родине получить или закончить высшее образование. В Чехословакии действовало около десятка русских высших учебных заведений: русский юридический факультет при Карловом университете в Праге, Русский педагогический институт, высшее училище техников путей сообщения и другие. К середине 1920-х гг. в них обучалось свыше 4 тыс. студентов. Все они содержались на казенный счет, а правительство еще и выплачивало им стипендию (по этой причине многие из них сознательно стремились стать «вечными студентами» и блестящие лысины в студенческой аудитории не были редкостью). На средства правительства существовали и многие научные объединения: Русское историческое общество, Институт имени Кондакова и Русский заграничный исторический архив. Правда, к началу 1930-х гг. денежный ручеек этот стал понемногу иссякать, но большинство эмигрантов, живших в Чехословакии, сохранили самые теплые воспоминания об этой стране. В северной

---

¹¹ Т.Г. Масарик и «русская акция» чехословацкого правительства. М., 2005. С. 65.

части старейшего в Праге Ольшанского кладбища есть русская церковь, а рядом с ней большой участок, занятый могилами, над которыми стоят восьмиконечные православные кресты. Здесь похоронены Аркадий Аверченко, жена генерала А.А Брусилова, историки В.А. Мякотин и А.А. Кизеветтер и многие другие менее известные русские беженцы.

Однако Чехословакия тоже была пусть тихой и комфортабельной, но все же провинцией. На роль же столицы русского зарубежья в начале 1920-х гг. уверенно претендовал Берлин. По некоторым сведениям, в ту пору в Германии проживало до 600 тыс. эмигрантов из России, из них более половины в Берлине. Одна из берлинских газет как-то даже опубликовала карикатуру, на которой были изображены витрины магазинов на фешенебельной Курфюстендам – сплошь с русскими вывесками и только иногда мелькающими скромными объявлениями: «Здесь говорят по-немецки». Привлекательность Германии в глазах русских беженцев объяснялась не только давними культурными связями двух стран, не только тем, что здесь еще в 1918 г. возникла русская колония, но и дешевизной жизни. Как ни странно, связано это было с тяжелейшим экономическим кризисом, который тогда переживала страна. Галопирующая инфляция приобрела в Германии в 1920 – 1921 гг. совсем уж чудовищные темпы. В воспоминаниях одного из эмигрантов рассказан эпизод, когда автору пришлось срочно погасить банковский кредит, взятый на ремонт дома. Сумма кредита достигала 75 млн. марок. Погасил же он ее всего 50 американскими центами¹². У русских беженцев, сколь бы бедными они ни были, все же водилась валюта, а человек с валютой в тогдашней Германии был богачом. Поэтому-то в сумасшедшем водовороте инфляции эмигранты, покинувшие Россию без гроша в кармане, подчас вели роскошную жизнь: напропалую играли в казино, купали виллы в фешенебельных пригородах Берлина и т.д.

Берлинский период пришелся на то время, когда эмиграция не успела еще истощить свои жизненные силы, когда не остыла

---

¹² Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 105.

надежда на возвращение в Россию. Еще пользовались популярностью газеты. В Берлине их выходило (разумеется, речь идет о газетах на русском языке) более десятка. Самой солидной считалась газета «Руль», выпускавшаяся группой общественных деятелей из числа бывших членов партии кадетов. Тиражи «Руля» в лучшие времена доходили до 20 тыс. экземпляров. Редактором газеты был И.В. Гессен, некогда в Петербурге редактировавший кадетскую газету «Речь». Он же был основателем и главным редактором крупнейшего в Берлине русского издательства «Слово», успевшего за пять лет своего существования выпустить немало интереснейших книг, включая 22 тома «Архива русской революции». Вообще «русский Берлин» переживал в начале 1920-х гг. настоящий издательский бум. На 1924 г. в городе было 87 русских издательств, а по суммарным тиражам книги на русском даже обогнали книги на немецком языке.

В городе в это время было три русских театра. В то время еще не порвались окончательно связи эмиграции с Россией и в Берлин на гастроли дважды приезжала труппа МХАТа, в литературных салонах выступали Есенин, Пастернак, Маяковский, Федин. Словом, жизнь бурлила потоком. Кто-то уже шутил, что русские наконец завоевали Берлин. Но продолжалось это недолго. Тяжелым ударом для эмиграции стала внезапная дефляция. Немецкая марка приобрела устойчивый вес, и теперь уже нельзя было, имея в кармане пару долларов, весь вечер сидеть в ресторане. К тому же в Германии все более явно поднимал голову нацизм. В такой ситуации многие эмигранты предпочитали уехать куда-нибудь, где жизнь будет спокойнее. К началу 1930-х гг. центр эмигрантской жизни перемещается в Париж.

В начале 1920-х гг. во Франции, по данным официальной статистики, числилось 175 тыс. эмигрантов, к концу десятилетия их было уже 400 тыс., в то время как русская колония в Германии сократилась до 150 тыс. Русских эмигрантов влекло во Францию в силу многих причин. Во-первых, Франция в свое время покровительствовала и Колчаку, и Деникину, и Врангелю, и посему правительство страны чувствовало определенную ответственность за судьбу беженцев. Во-вторых, после мировой войны Франция, понесшая немалые потери, остро нуждалась в

рабочей силе, а использовать на черной работе эмигрантов из России это, как выразился один из французских министров, лучше, чем завозить негров из Сенегала. И в-третьих, Хемингуэй не зря назвал Париж «праздником, который всегда с тобой». Жизнь здесь была сытой, спокойной, благополучной и веселой.

Париж действительно стал столицей «России № 2». Здесь располагались руководящие органы большинства партий и политических объединений, здесь жили самые именитые представители эмиграции, здесь выходили самые многотиражные газеты на русском языке. Из периодических изданий наибольшей известностью пользовались «Последние новости», издававшиеся с 1920 по 1940 г. Это была солидная многостраничная ежедневная газета. Ее редактором и постоянным автором был П.Н. Милюков. В политической жизни газета занимала умеренно-либеральную позицию. На более консервативные круги была рассчитана газета «Возрождение», редактировавшаяся сначала П.Б. Струве, а затем журналистом Семеновым.

Поначалу отношение французов к русским эмигрантам было сравнительно доброжелательным. Конечно, Франция, буквально захлебывавшаяся после Первой мировой войны в патриотизме, не могла простить России «брестского предательства». К тому же едва ли не в каждой второй французской семье хранились облигации русских займов, и обладатели их чувствовали себя ограбленными. Но на «белых русских» французское общественное мнение это отношение, как правило, не распространяло, видя в них жертв революции. Однако ситуация постепенно стала меняться. С началом мирового экономического кризиса во Франции стала расти безработица и на эмигрантов стали смотреть как на конкурентов, отбивающих заработок. Жизнь эмиграции еще более осложнилась после того, как во Франции к власти пришло правительство Народного фронта. Левые политики не стеснялись выразить свое презрение к эмигрантам-«реакционерам». В беженской среде уже начали поговаривать о том, что опять пора менять страну, но этому помешала начавшаяся Вторая мировая война. Однако в истории Франция так и осталась одним из главных центров русского зарубежья. На знаменитом русском кладбище в парижском пригороде Сен-

Женевьев де Буа похоронены многие видные деятели эмиграции, причем не только первой волны.

Если же вернуться к географии русского зарубежья, то нужно сказать, что немногочисленные эмигрантские колонии в Бельгии и Голландии ничем особым себя не проявили. В Англии русских эмигрантов тоже было немного, но не потому, что они не хотели сюда ехать. Английское правительство попросту не пускало беженцев на территорию страны; для того чтобы получить визу, нужно было иметь действительно громкое имя. Исключением была часть эмигрантов из Архангельска, вывезенная на английских судах еще в 1919 г. Общая численность русских эмигрантов в Англии не достигала и 10 тыс., но эта небольшая колония была достаточно деятельной и сплоченной. В немалой мере это было заслугой Е.В. Саблина – последнего дипломатического представителя большевистской России. Саблин был кадровым дипломатом и до назначения в Лондон успел поработать в Сербии, Персии, Испании. Должность второго секретаря посольства в Великобритании он получил буквально за несколько недель до начала мировой войны. Дальше последовала цепь случайностей. В 1917 г. внезапно умирает русский посол граф Бенкендорф. Его сменил первый секретарь посольства К. Д. Набоков, но по неизвестной причине он был перемещен в Стокгольм, и Саблин в 1919 г. становится поверенным в делах России в Англии. К слову, он был единственным российским послом, назначение которого состоялось уже после революции от имени правительства Колчака. Саблин возглавлял лондонское посольство до 1924 г., когда в английской столице появилась советская дипломатическая миссия. После этого Саблин купил в Кенсингтоне (на юго-западе Лондона) дом, где и поселился на много лет. «Русский дом», как он стал официально называться, был не просто жилищем бывшего посла и его семьи. Он превратился в клуб, гостиницу, в место встречи русских эмигрантов. Саблина по-прежнему принимали и при королевском дворе, и в кабинетах министров. Эти возможности он старался максимально использовать для того, чтобы облегчить жизнь русских беженцев. В некрологе на смерть Саблина в 1948 г. известная в дореволюционной России журналистка Ариадна Тыркова назвала его «дер-

жавным послом». Он действительно всю жизнь оставался послом России, стремясь наладить связи между английским обществом и русским зарубежьем.

Правительства Италии, Испании, Португалии, как и английские власти, со страшным скрипом выдавали русским беженцам визы на въезд. Посему, если эмигранты здесь и оседали, то число их было крайне невелико. Впрочем, в Испании русские эмигранты появятся чуть позже – во время гражданской войны, но об этом разговор особый. А пока несколько слов об одной совершенно фантастической истории. Между Испанией и Францией лежит крохотное государство Андорра. Много веков оно формально находилось в вассальной зависимости от своих соседей. Но в середине 1930-х гг. в Андорру непонятным ветром занесло русского эмигранта Бориса Скосырева. Пользуясь неразберихой, воцарившейся после начала гражданской войны в Испании, Скосырев провозгласил себя королем Андорры и несколько лет успешно правил десятками тысячами своих подданных.

Какое-то время многочисленная русская колония существовала и на другом берегу Средиземного моря – в Тунисе. В ноябре 1920 г. армия Врангеля и пожелавшие эвакуироваться гражданские лица на кораблях Черноморского флота были перевезены из Крыма в Константинополь. Высадив беженцев, эскадра ненадолго задержалась у турецких берегов. По согласованию с французскими властями ей было предписано идти в Тунис. Здесь, в порту Бизерта, в декабре 1920 г. и бросили якорь около 30 кораблей и вспомогательных судов, на борту которых находилось чуть более 7 тыс. человек, включая членов команд.

Пребывание русской эскадры в Бизерте продолжалось около четырех лет. Часть беженцев (примерно три тысячи) сразу же были отправлены во Францию, но в Тунисе продолжали жить члены корабельных команд с семьями, здесь продолжались занятия в Севастопольском морском корпусе. Французы взяли на себя материальное обеспечение беженцев и дали обещание, что русские корабли в целостности будут переданы будущему антибольшевистскому правительству России. Но осенью 1924 г. Франция официально признала СССР. После этого на русских кораблях были спущены андреевские флаги и эскадра прекрати-

ла свое существование. Большая часть кораблей продолжала догнивать в бухте Бизерты и в начале 1930-х гг. была разрезана на металлолом. Что до людей, то в большинстве своем они выехали во Францию, в Тунисе остались лишь единицы – те, у кого за душой не было ни гроша¹³.

На Дальнем Востоке, в Китае, сложился еще один весьма заметный центр русского зарубежья. Собственно, таковых центров в Китае было три. Первый – это, конечно, Харбин и полоса отчуждения КВЖД. Напомним, что КВЖД была построена в 1898 – 1903 гг. для того, чтобы кратчайшим путем связать Транссибирскую магистраль с Владивостоком. Согласно условиям русско-китайского соглашения полоса отчуждения КВЖД пользовалась правом экстерриториальности и охранялась российскими пограничниками. Харбин с самого начала строился как русский город. Все в нем – от архитектуры зданий до вывесок – напоминало скорее губернский центр где-нибудь в центральной России, но никак не Китай. Центральный район Харбина (так называемый Новый город) и Пристань на берегу реки Сунгари пользовались правами иностранной концессии, т. е. власть китайской администрации на них не распространялась. Ко времени революции в Харбине насчитывалось около 45 тыс. русских, а если брать весь район КВЖД, то это число следует увеличить до 75 – 80 тыс. человек¹⁴.

Крушение белых режимов в Сибири привело к тому, что численность русского населения в Харбине выросла до 250 тыс. Большая часть беженцев прочно оседала здесь, не пытаясь перебраться дальше. Связано это было не только с тем, что пароходный билет из Китая в Европу стоил целое состояние. В Харбине русские беженцы чувствовали себя, может быть, даже более комфортно, чем в Берлине или Париже потому, что оказывались как бы не за границей, а все в той же привычной российской обстановке. Формально после революции экстерриториальность

---

¹³ См.: Узники Бизерты. М., 1998.

¹⁴ Мелихов Г.В. Русская эмиграция в Китае (1917 – 1924 гг.). М., 1997. С. 21.

полосы отчуждения КВЖД перестала действовать и Харбин оказался в юрисдикции китайских властей, но они не слишком вмешивались в русские дела. Правда, русская колония в Харбине не была единой. В ней четко разделялись две составляющие: собственно беженцы-эмигранты и служащие КВЖД. Последние были более состоятельными, для них Харбин был домом, и на эмигрантов они глядели свысока. К тому же в 1924 г. было заключено советско-китайское соглашение о совместной эксплуатации КВЖД, и значительная часть служащих получила после этого советское гражданство. Харбин был, кажется, единственным местом, где эмигранты и советские граждане жили бок о бок. Это продолжалось до 1934 г., когда советское правительство продало свою долю собственности на КВЖД Японии. После этого значительная часть служащих дороги выехала в Советский Союз. Числясь советскими гражданами, они никогда не видели воочию советской действительности. На родине они оказались иностранцами, на которых смотрели косо. Неудивительно, что немало «харбинцев» вскоре после приезда оказались в сталинских тюрьмах и лагерях.

Вторым центром русской эмиграции в Китае было Трехречье – обширная степь, по которой протекали притоки реки Аргунь. Трехречье вплотную примыкало к русскому Забайкалью, и поселились здесь преимущественно забайкальские казаки, покинувшие родину едва ли не в полном составе. В Трехречье они продолжали вести привычную жизнь: пахали землю, разводили скот, строили дома. Район этот был прежде практически незаселенным, и китайские власти не мешали этому, но даже поощряли такую колонизацию, бесплатно выделив казакам землю. Численность русского населения Трехречья достигала 30 тыс. человек. Интересно, что это был, наверное, единственный район, эмиграция куда продолжалась вплоть до начала 1930-х гг. В отличие от западных границ, границу с Китаем в ту пору перекрыть было трудно, поэтому и значительно позже Гражданской войны, во время коллективизации, забайкальские крестьяне целыми семьями уходили за Аргунь. Русская колония в Трехречье просуществовала вплоть до начала 1960-х гг. Когда в 1945 г. сюда пришла Советская Армия, она не тронула поселенцев (всем

было ясно, что к политике они отношения не имеют). Лишь «Большой скачок» в Китае заставил поселенцев покинуть насиженные места. В основной своей массе после этого они переправились в Бразилию, Аргентину, Уругвай, где потомки их живут и по сей день¹⁵.

Наконец, третьим крупным центром консолидации беженцев из России на территории Китая стали портовые города, прежде всего Шанхай и Тяньцзинь. Шанхай в ту пору не случайно называли «Вавилоном Дальнего Востока». В этом огромном городе смешались расы и народы. Ко времени, о котором идет речь, в Шанхае уже полвека существовали французская и английская концессии, а также международный сеттльмент, пользовавшиеся правами экстерриториальности. Именно в Шанхай в ноябре 1922 г. пришли из Владивостока корабли Сибирской флотилии, доставившие беженцев, покинувших последний клочок «белой России». Общее их число, включая прибывших позже уссурийских и амурских казаков, достигало 5 – 7 тыс. человек. Положение русских эмигрантов в Шанхае было особенно непростым. Английские и французские колониальные власти презирали и открыто травили их. Дело в том, что европеец в колониях должен был быть обязательно богатым и могущественным («как иначе эти туземцы научатся уважать нас?»), русские же нищетой своей мало отличались от китайцев. Тем не менее эмигрантская община в Шанхае просуществовала более тридцати лет. Здесь издавались русские газеты, действовали русские школы и даже кадетский корпус. Более того, после японской оккупации Маньчжурии многие харбинцы предпочли перебраться в Шанхай, подальше от опасностей войны. Подобным же образом протекала жизнь русской эмигрантской колонии в Тяньцзине. Этот город, расположенный в семидесяти километрах от Пекина, являлся как бы морскими воротами китайской столицы. В Тяньцзине с давних пор жило много иностранцев. Существовала здесь до революции и русская концессия. После крушения Российской импе-

---

¹⁵ См. об этом: Сибиряков Н.С. Конец Забайкальского казачьего войска // Минувшее. Т. 1. М., 1990.

рии она перешла под китайскую юрисдикцию, но русские в городе остались, и число их в начале 1920-х гг. постоянно росло, достигнув 5-6 тыс.

В Соединенных Штатах, как ни странно, русских эмигрантов было не так уж много, как можно было бы ожидать, помня, что эта страна была создана эмигрантами. Вероятнее всего, это объяснялось несколькими обстоятельствами: и дороговизной самого путешествия через океан, и прохладным отношением американской администрации (она ничего не имела против эмигрантов как таковых, но не собиралась за свой счет содержать голодных и нищих беженцев). Да и общественное мнение Америки было достаточно враждебно настроено по отношению к «белым русским». Это показал эпизод с атаманом Г.М. Семеновым. Бывший забайкальский диктатор в 1922 г. прибыл из Японии в США, но немедленно был арестован по обвинению в убийстве нескольких американских граждан, которое якобы было совершено по его приказу. Правда, в суде доказать это не удалось. Семенов был отпущен на свободу, но выслан из страны с запрещением впредь появляться на американской территории.

Но, наверное, главным, что мешало русским эмигрантам перебраться за океан, было другое. Америка была слишком далеко. Отправиться туда означало окончательно отказаться от прошлого, забыть о России, начать новую жизнь. А вот это-то для большинства эмигрантов пореволюционной поры (и этим они отличались от эмиграции послевоенной) было абсолютно невозможно. Конечно, русские эмигранты в США были. Но они не представляли собой единого целого, замкнутой колонии, как это было во Франции или Германии. Вступив на берег Америки, большинство из них стремилось поскорее стать стопроцентными американцами. Многие действительно преуспели в этом. Здесь можно вспомнить В.К. Зворыкина – создателя телевидения, И.И. Сикорского – человека, который сконструировал современный вертолет, Питирима Сорокина – основоположника американской социологии, выдающегося историка Г.В. Вернадского. Многим из них помог встать на ноги и найти себя человек, о котором нужно рассказать особо.

Мы имеем в виду Б.А. Бахметьева. Еще до революции Бахметьев получил известность как один из наиболее выдающихся специалистов в области гидравлики и гидромеханики. Он занимал профессорскую должность в Институте инженеров путей сообщения и о другой карьере не мыслил. Но в феврале 1917 г. рухнула российская монархия и новое правительство начало перетряхивать кадры дипломатических представителей России за рубежом. Неожиданно Бахметьев был назначен русским послом в США, вероятно, именно в силу своих профессиональных знаний, ибо из Америки в ту пору шли в Россию многочисленные поставки военной техники и вооружения. Для оплаты их в американские банки были переведены весьма значительные суммы, и Бахметьев стал их главным распорядителем после того, как Временное правительство ушло в историю вслед за правительством царским.

Как известно, США вплоть до 1933 г. не признавали Советской власти и на право Бахметьева распоряжаться русскими средствами в американских банках никто не посягал. Злые языки говорили, что на эти деньги он купил себе дом, собрал огромную и весьма дорого стоившую коллекцию произведений русского искусства. Не беремся судить, сколь близки к правде были эти обвинения (Бахметьев и в Америке продолжал свою профессиональную деятельность, а она неплохо оплачивалась), но несомненно, что он действительно тратил немало средств на поддержку русских эмигрантов. Правда, делал он это весьма выборочно, категорически отказываясь финансировать разного рода политические комбинации. Во всяком случае, у русских эмигрантов в США о Бахметьеве сохранились самые лучшие воспоминания, и не случайно его именем был назван Русский архив, до сей поры существующий при Колумбийском университете.

Русские беженцы добрались и до Латинской Америки. Еще в 1921 г., когда главным центром русской эмиграции был Константинополь, здесь начали действовать вербовщики, приглашавшие всех желающих работать на кофейных плантациях в Бразилии. Сулили они золотые горы, и многие, поддавшись на их обещания, отправились за океан. Там оказалось, что бразильским кофейным плантаторам, по сути, нужны рабы. Выдержать

тяжелейший труд, тем более в непривычном климате, смогли немногие, но с тех пор в Бразилии возникла довольно многочисленная русская колония.

Эмигрантские общины существовали и в Аргентине, и в Чили, и в Уругвае. Но, наверное, самая интересная история связана с русскими беженцами в Парагвае. Это была самая бедная из латиноамериканских республик. Парагвай зажат в центре континента между Боливией, Аргентиной и Бразилией. Отношения с соседями у парагвайских властей были весьма напряженными. Объектом соперничества в этом случае было Гран-Чако – обширное плоскогорье, где жили индейцы-гуарани и почти не было белых людей. Парагвай неоднократно вел войны с соседними государствами из-за территории Чако, как правило терпя в них поражения. Власти страны приняли решение модернизировать армию, но, поскольку денег на это не было, им пришлось пригласить самых дешевых советников – русских эмигрантов. Так в Парагвай в начале 1920-х гг. попал генерал И.Т. Беляев. Артиллерист по своей военной профессии (а в русской армии артиллеристы составляли самую образованную часть офицерского корпуса), он оказался очень ценным приобретением. Беляев объездил всю территорию Чако, самостоятельно выучил несколько индейских наречий. Во время очередной войны с Боливией он своими рекомендациями очень помог парагвайской армии. После этой войны у него родилась совершенно фантастическая идея. Беляев предложил властям Парагвая расселить в Чако русских эмигрантов с тем, чтобы они по образцу казаков в средневековой Руси пахали здесь землю и одновременно охраняли границу. Через эмигрантские газеты Беляев обратился с призывом к соотечественникам и многие из тех русских беженцев, кто еще продолжал надеяться на чудо, действительно откликнулись на этот призыв. Однако из затеи с «парагвайскими казаками» ничего не вышло. Жизнь в условиях дикой природы мог выдержать далеко не каждый, в Парагвай же приехали в первую очередь те, кто не смог найти себе применения в других странах, т.е. слабые, потерявшие себя люди. Неудивительно, что потом они обвиняли Беляева в том, что он их обманул. Русская колония в Парагвае,

одно время разросшаяся до 5-7 тыс. человек, через считанные годы почти исчезла¹⁶.

Итак, русских эмигрантов можно было найти практически в любой точке земного шара. От европейских столиц до острова Яп в Микронезии, до Явы и Аддис-Абебы разметало изгнание беженцев из России. О том, как складывалась их жизнь, мы и попробуем разобраться в рамках следующей главы.

Вопросы для самоконтроля

1. Где располагались основные европейские центры расселения русской эмиграции и что обусловило этот выбор?
2. Почему столь немногочисленны были эмигрантские колонии в Великобритании и США?
3. Назовите основные центры расселения русской эмиграции на Дальнем Востоке.

---

¹⁶ См.: Мартынов Б. Парагвайский Миклухо-Маклай: повесть о генерале Беляеве. М., 1993. С. 45.

Глава 3. Эмигрантский быт

Повседневная жизнь эмиграции отличалась пестротой и многообразием, поскольку многолика была и сама эмиграция. Кто-то не знал недостатка в шампанском и икре, а кто-то едва сводил концы с концами. Но при всех различиях было нечто общее, свойственное всем обитателям страны под названием "Русское зарубежье".

В большинстве стран, где сложились более или менее многочисленные эмигрантские колонии, выходцы из России предпочитали селиться неподалеку друг от друга. В Берлине и Париже, не говоря уже о Харбине, возникли целые районы, населенные исключительно русскими. Человек мог прожить здесь полжизни, но так и не научиться ни слову по-немецки или по-французски. А зачем? Здесь выходили русские газеты, работали русские магазины, десятки русских ресторанов и кафе. В эмигрантской среде был популярен анекдот о том, как некий француз, живший в парижском пригороде Пасси, ежедневно слыша на улице исключительно русскую речь, в конечном счете повесился от тоски по родине.

У писательницы Н.А. Тэффи есть чудесный рассказ о русском Городке на Сене (впрочем, обитатели городка чаще называли ее «ихняя Невка»). Население городка занималось промыслами. «Молодежь большей частью извозом – служила шоферами. Люди зрелого возраста содержали трактиры или служили в этих трактирах: брюнеты в качестве цыган и кавказцев, блондины – малороссами. Женщины шили друг другу платья и делали шляпки. Мужчины делали друг у друга долги». Скученность и замкнутая жизнь были благодатной почвой для интриг и сплетен. «Жители городка любили, когда кто-нибудь из их племени оказывался вором, жуликом или предателем. Еще любили они

творог и долгие разговоры по телефону. Они никогда не смеялись и были очень злы»¹⁷.

Эмигранты всегда и везде стремились селиться поближе к своим. Достаточно вспомнить Чайнатауны в Европе и Америке, Новую Кубу во Флориде, Брайтон-Бич в Нью-Йорке. Но, как правило, это относится к людям с низким образовательным уровнем, мешающим их адаптации в инокультурной и иноязыковой среде. Русская же эмиграция, как мы уже знаем, преимущественно состояла из людей достаточно образованных, к тому же сравнительно молодых, т. е. потенциально способных быстро влиться в непривычную среду. Но дело как раз в том, что большинство русских эмигрантов как раз и не собирались превращаться в немцев или французов. Хотя шли десятилетия, но эти люди по-прежнему продолжали считать свое изгнание временным. Зачем, в таком случае, приспосабливаться? И еще одно обстоятельство нужно иметь в виду. Большинство русских беженцев оказались в изгнании не по своей воле, не были к нему готовы. Поэтому, оказавшись на чужбине, они стремились даже в мелочах воспроизвести привычный уклад жизни. Это был совершенно естественный способ самосохранения, и меньше всего он может быть поставлен им в вину.

Отсюда вытекала характерная особенность, отличавшая русскую эмиграцию от аналогичных явлений последующих эпох. В русском зарубежье существовало великое множество всевозможных союзов, объединений, землячеств. Каждое из них стремилось заявить о себе. Те, что побогаче, выпускали собственные газеты или, по крайней мере, информационные бюллетени. Те, что победнее, довольствовались регулярными обедами в складчину с обязательными черным хлебом и селедкой в качестве главных угощений. Иногда казалось, что таких объединений больше, чем самих эмигрантов. Впрочем, это было недалеко от истины. Один и тот же человек мог входить в тамбовское землячество, объединение офицеров Сумского гусарского полка, Общество первопоходников и Союз русских инженеров в Праге.

---

¹⁷ Тэффи Н.А. Житье-бытье. Рассказы. Воспоминания. М., 1991. С. 153-154.

Членство в этих союзах позволяло большую часть времени возвращаться в привычной языковой среде и, значит, в какой-то мере облегчало жизнь на чужбине.

Многочисленные эмигрантские союзы и объединения преследовали еще одну цель: многие их участники надеялись при необходимости найти поддержку у более процветающих однополчан или одноклассников. По этой же причине в эмиграции пышно расцвело масонство. Но, как правило, эмигрантские объединения оказывались очень непрочными. Мы уже отмечали, что сама атмосфера эмигрантской жизни способствовала дразгам и интригам. Можно продолжить цитату из Тэффи о жителях Городка на Сене: «Общественной жизнью интересовались мало. Собирались больше под лозунгом русского борща, но небольшими группами, потому что все так ненавидели друг друга, что нельзя было соединить двадцать человек, из которых десять не были бы врагами десяти остальных. А если не были, то немедленно делались»¹⁸.

Лишь немногие из эмигрантских объединений занимались действительной работой на пользу своим соотечественникам. В этой связи можно вспомнить лишь о Земско-городском союзе (Земгоре). Союз земств и городов возник в годы Первой мировой войны для того, чтобы мобилизовать силы общественности на нужды фронта. Сохранился Земгор и в эмиграции, где просуществовал до середины 1960-х гг. На средства Земгора содержались русские гимназии, столовые для бедных, из этих средств выдавались ссуды неимущим эмигрантам. Собственно, говорить о средствах Земгора было бы не совсем правильно. В основе своей это были средства Совещания послов. Ко времени революции в западных банках оказалось немало денег, перечисленных русским правительством в счет оплаты военных поставок, не успевших дойти по назначению. Находились они под контролем посольств в соответствующих странах. Позднее было немало желающих наложить на эти деньги руку, однако по общему решению глав русских дипломатических миссий было сочтено, что ни одно лицо, ни одна организация не могут быть правопрее-

---

¹⁸ Тэффи Н.А. Житье-бытье. Рассказы. Воспоминания. С. 153.

емниками прежнего правительства России. Послы, назначенные некогда царским или Временным правительством и ныне вынужденные уступить посольские резиденции советским полпредам, объединились в Совецание послов. Именно оно и было главным распределителем денег, избрав посредником для этой цели Земгор. В состав Совецания послов входили уже известные нам Е.В. Саблин (бывший посол в Англии) и Б.А. Бахметьев (посол в США). Главой Совецания был М.Н. Гирс (бывший посол в Риме, являвшийся дуайеном, т.е. старейшиной посольского корпуса). Но первую скрипку в работе Совецания играл В.А. Маклаков, занимавший прежде должность русского посла во Франции. Это был очень интересный человек. Юрист по образованию, но скорее политик и общественный деятель по складу характера, Маклаков стоял у истоков кадетской партии, а позднее возглавлял в ней правое крыло. Весной 1917 г. он намечался на должность министра юстиции во Временном правительстве, но, когда это министерство было брошено, как кость, левым в лице Керенского, Маклаков в утешение был отправлен послом в Париж. Он не был профессиональным дипломатом, но обладал большими связями в высших кругах французской столицы и за короткое время своей дипломатической карьеры проявил себя самым лучшим образом. В эмиграции Маклаков пользовался уважением как правых, так и левых. Его рассудительность и спокойный характер как нельзя лучше подходили к роли человека, контролирующего и распределявшего немалые средства.

Как ни странно, памятуя слухи, которые ходили за границей, о немыслимых богатствах русских аристократов, по-настоящему богатых людей среди эмигрантов практически не было. Состояние русской аристократии было вложено в землю, а захватить ее с собой из России было, естественно, невозможно. Равно как остались в России бесценные коллекции картин, предметов роскоши – всего того, что веками копилось в дворянских усадьбах. Слишком неожиданным, слишком поспешным оказалось бегство. Для промышленников и предпринимателей революция тоже стала неожиданностью. У большинства из них не оказалось сколько-нибудь значительных средств на счетах в зарубежных банках: у настоящего бизнесмена свободных денег всегда не-

много. В итоге в эмиграции жизнь даже тех, кто считался богатым, была лишь бледной тенью счастливой жизни в России.

В этой связи можно рассказать о князе Ф.Ф. Юсупове, человеке, чье имя было хорошо известно в предреволюционном Петербурге. Аристократ, богач, красавец, он, казалось бы, имел все, что можно было пожелать. Юсупов находился в приятельских отношениях со многими членами царствовавшего дома, его женой стала княжна императорской крови Ирина Александровна – племянница Николая II (дочь его сестры Ксении и великого князя Александра Михайловича). Самым ярким эпизодом в жизни Юсупова стало его участие в убийстве Распутина. После этого он был выслан из столицы в загородное имение, но ссылка продолжалась недолго: настала революция. Летом 1917 г. Юсуповы выехали в Крым, и здесь им пришлось пережить первый акт Гражданской войны. Наконец, через полтора года им удалось выехать за границу. Так для Юсуповых началась жизнь в эмиграции.

Первое время они не бедствовали. Супруги сумели вывезти из России свои драгоценности, плюс к этому два бесценных полотна Рембрандта, когда-то украшавших их петербургский дворец. Но Феликс Юсупов привык вести безалаберную жизнь, не заботясь о деньгах. Драгоценности были проданы, картины Рембрандта за бесценок выманил у князя какой-то американский спекулянт. Юсуповы попробовали начать зарабатывать. В Париже они открыли ателье мод, получившее название «Ирфе» по первым буквам имен Ирины и Феликса. Однако затея эта оказалась не слишком прибыльной. Тогда Феликс взялся за перо. Он написал книгу, в которой рассказывал о своем участии в распутинской истории. Книга принесла автору какие-то деньги, но одновременно спровоцировала шумный скандал. Старшая дочь Распутина (по мужу она носила фамилию Соколова) подала на Юсупова в суд, требуя от него денежного возмещения за убийство отца. Парижский суд заседал три недели и в итоге принял решение дело за давностью и неясностью обстоятельств (попробуй разберись с этими русскими) прекратить.

Однако, видимо, это кое-чему научило и самого Юсупова, тем более, что вскоре ему представился случай эту науку ис-

пользовать. Дело в том, что в начале 1930-х гг. голливудская киностудия «Метро-Голдвин-Мейер» выпустила на экраны фильм под названием «Распутин – сумасшедший монах». Поставлен он был в типичном духе «развесистой клюквы». В фильме Распутин соблазняет некую «княгиню Наташу». Узнав об этом, ее жених, «князь Чегодаев», убивает коварного старца. Создатели фильма не учли, что многие герои этой истории были тогда еще живы. Юсуповы немедленно подали в суд на американскую киностудию, обвиняя ее в клевете на честное имя княгини Ирины. И снова состоялся процесс, на этот раз в Лондоне. Как ни пытались адвокаты ответчика убедить присяжных в том, что вовсе не Юсуповы стали прообразом героев фильма, это им не удалось. Суд постановил выплатить Юсуповым компенсацию в размере 25 тыс. фунтов – сумму по тем временам очень большую. С тех пор семейство Юсуповых нужды в деньгах не знало¹⁹.

Конечно, не каждому так везло. Сделать карьеру заново для русского беженца было почти невозможным. Отдельные случаи такого рода были, как, например, это произошло с П.Л. Барком. В годы Первой мировой войны он занимал пост министра финансов и в своей сфере деятельности пользовался репутацией профессионала высшего класса. Это обстоятельство помогло Барку удержаться в министерском кресле даже в разгар так называемой «министерской чехарды», но не спасло его от революции. В 1919 г. Барк, переживший к этому времени уже несколько арестов, сумел выехать за границу. Здесь имя и знания помогли ему вновь подняться ввысь. В итоге он стал финансовым консультантом английской королевской семьи, получил британское гражданство и титул баронета, позволивший ему теперь именоваться «сэр Питер Барк». Но, повторим, это было исключение из правил.

Впрочем, человек с именем и связями мог и в эмиграции устроиться достаточно прилично, даже если для этого ему приходилось эксплуатировать прежнюю славу. Министры и сановники, генералы и адмиралы – все, как один, взялись за перо. Здесь напрашивается очередная цитата из Н.А. Тэффи: «Кроме мужчин и

---

¹⁹ См.: Юсупов Ф.Ф. Мемуары. М., 1998.

женщин, население городишка состояло из министров и генералов. Из них только малая часть занималась извозом – большая преимущественно долгами и мемуарами. Мемуары писались для возвеличивания собственного имени и для посрамления сподвижников. Разница между мемуарами заключалась в том, что одни писались от руки, другие – на пишущей машинке»²⁰.

Мемуаров в русском зарубежье выходило великое множество. Вспомним для примера лишь одного, но, наверное, самого знаменитого мемуариста – бывшего главнокомандующего Вооруженными силами Юга России генерала А.И. Деникина. Деникин выехал за границу в апреле 1920 г., предварительно сдав полномочия Врангелю. Первоначально он направился в Англию, но очень скоро покинул страну в знак протеста против переговоров с большевиками, которые тогда начало английское правительство. По сообщениям его биографа, все состояние Деникина в пересчете на английскую валюту, составляло в то время всего 10 фунтов стерлингов. Однако два года спустя Деникин пишет своим знакомым в Париж, прося подыскать ему жилье во Франции: ему нужен домик комнат в 4-5 плюс помещение для прислуги. Роскошь исключается, но вместе с тем желателен сад и тихая обстановка. Явно, что нищий такие требования предъявлять бы не стал. Конечно, к этому времени Деникин не разбогател, но и нищим он не был. Деньги бывшему командующему Добровольческой армией обеспечила публикация его знаменитых мемуаров «Очерки русской смуты» (Т. 1 – 5, Берлин; Париж, 1921 – 1926). Удачный опыт вдохновил Деникина. В последующие годы он опубликовал еще около двух десятков книг, посвященных главным образом судьбе русской императорской армии. До 1940 г. Деникин прожил в Париже. Накануне вступления немцев во французскую столицу он спешно оставил город и в течение всей войны прожил в маленькой деревне неподалеку от Бордо. После войны, опасаясь того, что во Франции к власти придут коммунисты, Деникин покинул Старый Свет и перебрался в Америку. Умер он в августе 1947 г. и был похоронен на русском кладбище Святого Владимира в г. Джаксон штата Нью-Джерси.

²⁰ Тэффи Н.А. Житье-бытье. Рассказы. Воспоминания. С. 153.

Понятно, что большинство эмигрантов не могло похвастаться именем, гарантировавшим бы им, так сказать, пожизненную пенсию. Поэтому-то прозябавшая в нищете масса беженцев с таким вниманием следила по газетам за судьбой русских «Золушек», поднявшихся из грязи к вершинам богатства и славы. Большинство из этих «Золушек» было мужского пола, так как и эмиграция, как мы знаем, была по преимуществу мужская. А самый простой способ, если уж ты «Золушка», превратиться в принца – это жениться на принцессе. У русских беженцев не было, как правило, ни гроша за душой, и потому они могли рассчитывать только на некий романтический ореол, сопутствовавший им. А для этого неплохо бы быть князем, графом, на худой конец генералом. В эмиграции появилось великое множество самозванцев – всяческих князей, о которых никто прежде не слышал, генералов, в России носивших погоны поручиков и прочее. Каждый стремился сочинить себе соответствующую биографию. П.Н. Милюков как-то иронически заметил, что он единственный в эмиграции приват-доцент – все прочие, даже если в России они были лишь вахтерами в университетах, в эмиграции стали профессорами.

Если уж возвращаться к эмигрантским бракам, то все же наиболее сенсационные из них связаны с теми, кто титулом похвастаться не мог. Самый фантастический случай произошел с эмигрантом Зубковым, о котором, кроме его фамилии, никто ничего не знал. Он ухитрился жениться не более не менее как на родной сестре последнего германского кайзера Вильгельма II, несмотря на то, что она была вдвое старше его. Впрочем, Зубков в короткий срок спустил все состояние жены и скрылся в неизвестном направлении. Принадлежавший его супруге дворец Шаумбург в Бонне пошел за долги с молотка и, променяв многих владельцев, после Второй мировой войны стал резиденцией канцлера ФРГ. Судьба Зубкова была не единственной в своем роде. Еще один русский эмигрант – гвардейский офицер Сергей фон Вит – женился на принцессе Марии-Клотильде Бонапарт, внучатой племяннице Наполеона, и счастливо прожил с ней всю жизнь.

Мы уже отмечали, что большинство эмигрантских «Золушек» было мужского пола. Мне известен единственный, правда, крайне интересный пример, в котором фигурировала русская не-

веста иностранного миллионера. Дело обстояло так. Осенью 1924 г. высшее общество европейских столиц было взбудоражено известием о предстоящей свадьбе одного из богатейших людей континента – владельца нефтяной компании «Роял Дач Шелл» Генри Детердинга. Избранницей нефтяного магната стала русская эмигрантка Лидия Павловна Кудеярова. Даже на фоне других шумных эмигрантских браков судьба Лидии Кудеяровой выглядела весьма необычно. Свою роль играли миллионы Детердинга, к тому же он, сын портового мастера, имел к этому времени титул английского лорда. Год спустя в СССР был опубликован роман Алексея Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», довольно быстро появившийся и на книжных полках эмигрантских библиотек. Читатель, знакомый с газетной хроникой, несомненно должен был узнать главную героиню романа. Зоя Монроз – роковая русская красавица, сумевшая стать подругой химического короля Роллинга, явно несла в себе черты Лидии Кудеяровой.

Героиня Толстого придумала себе подобающую случаю биографию, где были и выступление на сцене императорских театров, и работа сестрой милосердия на фронте, и участие в борьбе с большевиками. Реальная же Лидия Кудеярова путалась даже в дате своего рождения. Недоброжелатели подсчитали, что если поверить ей, то сына своего она должна была родить в восьмилетнем возрасте. По ее словам, отец у нее был генералом, но в списках русского генералитета генерал Кудеяров не значился. Впрочем, к таким вещам эмиграция относилась снисходительно.

На основании немногих сохранившихся документов можно установить, что родилась Лидия Кудеярова в 1895 г. в Ташкенте. В 1914 г. она вышла замуж за полковника Я.Г. Багратуни, позднее, в канун Октябрьского переворота, занимавшего должность начальника штаба Петроградского военного округа. Вместе с мужем она оказалась в эмиграции и здесь неизвестно при каких обстоятельствах познакомилась с Генри Детердингом.

Однако молодость – это качество, которое со временем непременно проходит. Лидия Детердинг по-прежнему сохраняла красоту, но, увы, утратила былое романтическое очарование. Тем более, что, как говорили злые языки, за двенадцать лет бра-

ка она буквально вымотала мужа семейными скандалами. Так это было или иначе, но в 1936 г. Детердинг подал на развод. Он оставил прежней жене ежегодное содержание в 58 тыс. фунтов, дом в Аскоте, знаменитой столице английских скачек, и виллу в Швейцарии. Казалось бы, трудно было желать большего. Но непременным условием всего этого было требование к разведенной супруге отказаться от права именоваться леди Детердинг (сэр Генри немедленно после развода собирался жениться в третий раз). Но вновь оказаться никем – тщеславие Лидии Кудеяровой с этим не могло смириться. Неизвестно каким образом (злые языки говорили, что за немалую взятку) ей удалось добиться от великого князя Кирилла Владимировича, провозгласившего себя в эмиграции российским императором, документа, позволявшего ей именоваться княгиней Донской. Это вызвало страшный скандал. Дело в том, что никаких князей Донских в русской истории никогда не было. Между тем в выданном канцелярией великого князя документе речь шла не о пожаловании, а о праве носить утраченный титул. Недоброжелатели Кирилла Владимировича тут же не преминули съязвить, что в таком случае Лидия Кудеярова должна быть прямым потомком Дмитрия Донского и, следовательно, иметь больше прав на русский трон, чем любой из Романовых. История эта нанесла немалый удар по престижу Кирилла Владимировича, что до новоявленной «princess of Don», то дальнейшая судьба ее мне неизвестна.

Изменения в эмигрантском быту отражали те перемены, которые переживала сама эмиграция. Со временем она старела и беднела, а потому географически перемещалась в самые простонародные предместья европейских столиц. Пессимистические настроения этого времени лучше всего передают строки уже упоминавшегося поэта Дона Аминадо:

*Вот так живем и медленно седеем,
Плетемся переулками Пасси
И скоро совершенно обалдеем
От способов спасения Руси.*

Здесь не случайно упомянуты «способы спасения Руси». Будучи рожденной Гражданской войной, эмиграция продолжала воевать и оказавшись за пределами России. При этом, в силу недостижимости главного противника – большевиков, врагов различные эмигрантские политические группировки находили здесь же, в беженской среде.

Вопросы для самоконтроля

1. Почему столь медленно шел процесс адаптации русских эмигрантов в странах нового проживания?
2. Каковы были основные занятия эмигрантов, осевших в Европе?
3. Назовите примеры успешной карьеры русских эмигрантов.

Глава 4.

Основные политические течения в эмиграции

Пореволюционная эмиграция, по крайней мере в первые годы ее существования, была крайне политизированна. Это нетрудно понять, памятуя, что большинство беженцев оказались за пределами России не по своей воле и поначалу не оставляли надежд в скором времени вернуться обратно. Но вот как это сделать, под какими знаменами следует продолжать борьбу – эти вопросы вызывали самые острые разногласия. К тому же сказывалась и неоднократно упоминавшаяся особенность эмигрантского бытия, когда оторванность от реальной жизни и бездеятельность становились благодатной почвой для всякого рода склок и интриг. В результате главные политические группировки эмиграции находились в состоянии постоянного дробления, ведя ожесточенную борьбу друг с другом и постепенно теряя авторитет в эмигрантской массе. Однако попробуем рассмотреть по порядку ситуацию, сложившуюся внутри главных политических течений эмиграции.

Начнем с политических партий, действовавших когда-то на общероссийской арене. Им в какой-то мере было проще: у них была известность, имя. Но, с другой стороны, все они в той или иной степени были причастны к происходившему в годы революции, несли за это ответственность, а поскольку оценка прошлого у многих партийных лидеров была различна, раскол им угрожал больше, чем кому-то другому.

Левую часть политического спектра эмиграции делили между собой меньшевики и эсеры. Меньшевики, или РСДРП, как официально продолжала называться партия, формально еще в начале 1920-х гг. продолжали легально действовать и в Советской России. На деле же большевистские власти уже тогда начали откровенно давить политическую оппозицию. В итоге меньшевики были вынуждены перенести свою деятельность за гра-

ницу. В 1920 г. Россию покинул Ю.О. Мартов. Вопреки распространенной легенде, уехал он совершенно легально как гость, приглашенный на съезд Независимой социалистической партии Германии. Мартов был крупной политической фигурой, и вопрос о его отъезде специально обсуждался на заседании Политбюро РКП(б). Часть участников этого заседания была против того, чтобы выпускать Мартова за границу, но по настоянию Ленина, видимо не забывшего того, что связывало его с другом молодости, разрешение на выезд было все-таки дано.

На родину Мартов уже не вернулся. По его инициативе в 1921 г. в Берлине было начато издание журнала «Социалистический вестник», ставшего главным центром консолидации приверженцев меньшевизма. Год спустя на базе редакции журнала была создана Заграничная делегация РСДРП. После прекращения деятельности меньшевиков в России и фактической ликвидации ЦК, Заграничная делегация стала главным партийным центром.

Мартов умер в апреле 1923 г. в Германии от туберкулеза. После его смерти руководителем Заграничной делегации стал Ф.И. Дан (Гурвич). В меньшевистской партии Дан считался представителем правого крыла, но в роли руководителя Заграничной делегации он, скорее, продолжал умеренную линию Мартова. В отличие от многих других политических течений эмиграции, меньшевики отнюдь не переоценивали значение НЭПа. Мартов сравнивал его с зубатовщиной, имея в виду уступки в экономической сфере при сохранении политической диктатуры. Однако меньшевики отказывались от призывов к прямой борьбе с этой диктатурой. По мнению руководства Заграничной делегации, рядовые члены партии в России должны были продолжать сотрудничать в советских органах, способствуя возрождению здоровых сил внутри самой РКП (б).

Репрессии в СССР начала 1930-х гг. (и, в частности, процесс по делу так называемого Союзного бюро меньшевиков (1931 г.)) очень сильно пошатнули авторитет меньшевиков в эмиграции. Они фактически лишились всяких каналов связи с родиной. Признаваться в этом не хотелось, и партийные лидеры пошли на откровенную фальсификацию. В 1932 г. в «Социали-

стическом вестнике» было опубликовано «Письмо старого большевика», якобы нелегально полученное из Советского Союза. Автор письма писал о перерождении большевистской партии, о том, что многие коммунисты недовольны этим. Все это, в общем-то, было верно, разве что странно звучали слова о том, что искренние большевики в СССР все чаще начинают говорить о том, что их прежние оппоненты – меньшевики были правы, что нужно перестраивать деятельность партии именно по меньшевистским образцам. Тем не менее письмо произвело в эмиграции сенсацию, на него ссылались все русские газеты. Лишь много лет спустя стало известно, что письмо это было фальшивкой, созданной «старым меньшевиком» Б.И. Николаевским, и выдавало желаемое за действительное.

В начале 1930-х гг., после прихода Гитлера к власти, Заграничная делегация РСДРП и редакция «Социалистического вестника» перебрались из Берлина в Париж, а затем в конце 1940-х гг. – в Америку. Журнал продолжал выходить здесь вплоть до середины 1960-х гг., хотя о меньшевиках к этому времени уже мало кто помнил²¹.

В схожем положении находились и эсеры. Первые центры эсеровской эмиграции возникли еще в годы Гражданской войны. В 1919 г. в Париже была образована Заграничная делегация партии социалистов-революционеров, однако политическая роль ее была не слишком велика. Эсеры в ту пору продолжали активную борьбу с большевиками, и главной ареной партийной деятельности оставалась Россия. Лишь после знаменитого процесса 1922 г., когда на скамье подсудимых оказалось едва ли не все эсеровское руководство, оставшиеся на свободе лидеры партии предпочли окончательно перебраться за границу. В 1923 г. в Праге состоялся I (впрочем, так и оставшийся последним) съезд заграничных организаций партии. На нем был избран Областной комитет заграничных организаций, претендовавший на роль главного партийного центра. С самого начала между ним и За-

---

²¹ Шелохаев В.В. Основные течения политической мысли в русском зарубежье в 1920-е гг. // Зарубежная Россия. 1917 – 1939: Сб. статей. Кн. 2. СПб., 2003. С. 21.

граничной делегаций, не пожелавшей распуститься и после съезда, началось ожесточенное соперничество.

Партия эсеров и раньше не отличалась единством, в эмиграции же старые внутренние разногласия, усугубленные соперничеством честолюбий, разгорелись с новой силой. Фактически эсеровская эмиграция раскололась на несколько групп, весьма прохладно относившихся друг к другу. Правое крыло эсеров объединилось вокруг выходившего в Париже журнала «Современные записки». В состав его редакции входили бывший городской голова Москвы при Временном правительстве В.В. Руднев, бывший министр внутренних дел того же Временного правительства Н.Д. Авксентьев, секретарь Учредительного собрания М.В. Вишняк и некоторые другие известные в прошлом политические фигуры. Они не скрывали своего разочарования в революции и в оценках как прошлого, так и перспектив России, фактически смыкались с либералами кадетского толка. Эта политическая линия вызывала немало возражений, но тем не менее «Современные записки» очень скоро превратились в самый популярный журнал, из числа выходивших в эмиграции. Причина заключалась в том, что для большинства читателей журнал этот был не столько политическим органом, сколько продолжателем традиций привычных для России «толстых» общественно-литературных изданий. «Современные записки» (название это не случайно, оно содержало в себе указание на знаменитых предшественников – «Современник» и «Отечественные записки») издавались с 1920 по 1940 г. За это время вышло 70 номеров журнала. На его страницах публиковались самые известные эмигрантские литераторы: Алексей Толстой (первый номер журнала открылся его романом «Хождение по мукам»), Марк Алданов, И.А. Бунин, Д.С. Мережковский, Владимир Сирин (в ту пору еще печатавшийся под псевдонимом, а не под настоящей фамилией Набоков).

У редакции «Современных записок» сложились крайне напряженные отношения с той частью эсеров-эмигрантов, которые сгруппировались вокруг В.М. Чернова. Высшей точкой карьеры Чернова, как известно, стало 5 января 1918 г., когда он был избран председателем Учредительного собрания. После этого ему

постоянно приходилось скрываться – от большевиков, от белых, видевших в нем одного из виновников развала России. В 1920 г. Чернов нелегально выехал за границу и на год с небольшим обосновался в Эстонии. Выбор территории этой страны, вероятно, диктовался надеждой на то, что большевистская власть вот-вот рухнет и нужно быть как можно ближе к России, чтобы успеть, когда придет время, вернуться обратно. Расчет этот, казалось бы, оправдался, после того как в марте 1921 г. в Кронштадте началось восстание. Чернов развил в эти дни бурную деятельность. По его призыву в Эстонию съехались почти все лидеры партии, в Нарве спешно готовились отряды для переброски за границу, однако, как известно, уже через две недели восстание было подавлено.

Еще в Ревеле Чернов возобновил выпуск газеты «Революционная Россия», считавшейся прежде центральным органом эсеровской партии. В 1922 г. издание газеты было перенесено в Прагу, куда перебрался и сам Чернов. Он продолжал считать себя искренним революционером и по этой причине весьма негативно отнесся к покаянным речам редакторов «Современных записок», но вместе с тем Чернов не верил и в перерождение Советской власти, на что делали ставку левые элементы эсеровской эмиграции. Чернов прожил долгую жизнь. Накануне Второй мировой войны он переехал из Чехословакии во Францию, а затем – в США. Именно в Америке он написал свои воспоминания «Перед бурей». Умер Чернов в 1957 г.

Часть эсеров-эмигрантов была не согласна ни с позицией редакции «Современных записок», ни с линией Чернова, которую они расценивали как замшелую догматическую. Они полагали, что необходимо пересмотреть прежние методы борьбы. Эмиграция, по их мнению, обречена. Спасение России может быть найдено только в самой России. Одним из наиболее известных идеологов этого направления был С.С. Маслов. В партии эсеров он состоял еще со времен первой русской революции, в 1917 г. был одним из руководителей Исполкома Съезда Советов крестьянских депутатов, избирался в Учредительное собрание. В годы Гражданской войны Маслов активно боролся с большевиками, одно время входил в состав антибольшевистско-

го правительства в Архангельске, но в глазах белых, подобно многим другим эсерам, он оставался «большевиком второго сорта». Поэтому когда Маслов перебрался в Сибирь, он был арестован колчаковскими властями и, лишь с трудом выбравшись на свободу, перешел на нелегальное положение. В 1920 г. Маслов заявил о том, что он изменил свое мнение о Советской власти, был прощен и некоторое время работал в Москве. Но, видимо, его примирение с большевиками не было искренним. Еще находясь в Москве, он создал среди студентов Сельскохозяйственной академии нелегальную организацию, получившую название "Крестьянская Россия". Эмигрировав в 1921 г. за границу, он попытался создать ячейки "Крестьянской России" во всех главных центрах русского рассеяния.

За несколько лет организация Маслова превратилась в достаточно заметную силу. На состоявшемся в 1927 г. съезде она была переименована в Трудовую крестьянскую партию. По мысли Маслова, именно крестьянство, сохранившее здоровые инстинкты, должно было стать залогом спасения страны. Задача эмиграции же состояла в том, чтобы помочь консолидировать антибольшевистские силы внутри России, не отвлекаясь на дразги и сведение счетов. Маслов заявлял, что в России у него имеется множество сторонников. По его инициативе "Крестьянская Россия" неоднократно пыталась заслат в СССР своих секретных эмиссаров для сбора сведений и установления связей с антибольшевистским подпольем. Поначалу, как казалось, Маслову в этом деле сопутствовал успех. Многие другие политические группы были готовы заискивать перед вождем "Крестьянской России", так как он едва ли не единственный сохранял прочные связи с родиной. Но вскоре выяснилось, что посланные за границу эмиссары были тут же схвачены ОГПУ, которое и затеяло с Масловым хитрую игру, замешанную на провокации. Обвинения в связях с Трудовой крестьянской партией были использованы ОГПУ для ареста в конце 1920-х гг. многих представителей старой интеллигенции, включая А.В. Чаянова и Н.Д. Кондратьева. Это было для Маслова тяжелейшим ударом. Он надолго отошел от политики, а в конце 1930-х гг. все чаще стал говорить о том, что эмиграции необходимо примириться с советской действитель-

тельностью. Впрочем, похоже, что это Маслову не помогло. В 1945 г., когда в Прагу, где он тогда жил, пришла Советская Армия, Маслов был арестован и безвестно сгинул в сталинских тюрьмах (даже в энциклопедиях дата его смерти не указывается).

Близко к эсерам, но все-таки в стороне, как и организация Маслова, только на этот раз с правого фланга, стоял небольшой кружок, объединившийся вокруг А.Ф. Керенского. Экс-премьер Временного правительства покинул Россию в августе 1918 г. нелегально, через Архангельск, имея на руках фальшивые документы на имя сербского офицера. Некоторое время Керенский пробыл в Англии, а затем перебрался в Париж, где начал издавать газету «День». Первое время он, пользуясь именем и прежними связями, получал финансовую поддержку от французского и чехословацкого правительств. В ту пору Керенский еще не отказался от намерения вернуться на политическую арену. В 1921 г. по его инициативе в Париже было создано Внепартийное объединение, куда вошли часть эсеров и некоторые политики либерального толка. Руководящим органом объединения стал так называемый Административный центр. Центр, как и многие другие эмигрантские группы, пытался засылать своих агентов в Советскую Россию, но опять же, как и многие другие, попал в сети ОГПУ. Совершенно секретные протоколы заседаний центра неожиданно были опубликованы в «Правде», став основанием для новых репрессий против инакомыслящих.

К этому времени иссяк и денежный поток, питавший ранее деятельность Административного центра, и Керенский неожиданно оказался в эмиграции на положении изгоя. Правые не скрывали своей ненависти к нему, считая его виновником развала страны, левые видели в нем живой анахронизм, и все вместе – неудачника, с которым не стоит иметь дела. Все последующее время (а жизнь он прожил очень долгою) Керенский преимущественно занимался тем, что вновь хотел пережить те восемь месяцев 1917 г., когда ему пришлось испытать высший подъем своей карьеры. В мемуарах и журнальных статьях он пытался назвать виновных в постигшей Россию катастрофе (естественно, этими виновными были все, кроме него самого). Накануне Второй мировой войны Керенский уехал в Америку. Здесь он неко-

торое время преподавал в ряде университетов, но в итоге старый, почти ослепший, он оказался нищим и никому не нужным. С сыновьями, жившими в Великобритании, у него отношения не сложились (к слову, старший его сын, Игорь Керенский, стал известным инженером-мостостроителем, и до сих пор в Англии присуждается премия его имени). С трудом Керенскому удалось продать своей архив Техасскому университету (с условием, чтобы бумаги оставались закрытыми для доступа до его смерти), и на полученные небольшие деньги он и жил²². Керенский долго болел, ему было уже далеко за 80, и он просто устал от жизни. В итоге он перестал принимать лекарства, сознательно ускоряя смерть. Умер Керенский в 1970 г. и по решению семьи был похоронен на одном из лондонских кладбищ.

Разумеется, этим перечень существовавших в эмиграции политических течений левого толка далеко не ограничивается. Весьма шумно заявил о себе небольшой кружок, сформировавшийся вокруг газеты «Общее дело». Редактором ее был В.Л. Бурцев, человек, чье имя было хорошо известно в предреволюционной России. Бурцев прославился некогда разоблачением Азефа, с тех пор уверовал в свой талант «сыщика от политики». В 1917 г. он громогласно заявлял, что намерен разобраться в истории с большевиками и «германским золотом», но, однако, в этом деле не слишком преуспел. В эмиграции он равно собирался расследовать обстоятельства похищения генерала А.П. Кутепова, но тоже не слишком успешно. Когда-то Бурцев примыкал к эсерам, но ко времени эмиграции его политические взгляды заметно эволюционировали вправо. На страницах «Общего дела» он призывал к продолжению вооруженной борьбы с большевизмом, громя всех, кто пытался оспорить целесообразность этого. К так называемому «активистскому» направлению относилась и деятельность организации Б.В. Савинкова.

Наряду с меньшевиками и эсерами, в эмиграции действовали и организации анархистов, правда еще менее многочисленные. Из числа анархистов самой знаменитой фигурой в эмигра-

---

²² Новиков Г.Н. Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая истории. 1993. № 1.

ции был, конечно, Махно. Он покинул Россию в августе 1921 г. В сопровождении небольшой группы оставшихся верными ему соратников он сумел уйти за Днестр на территорию Бессарабии. Из Румынии его выслали в Польшу, но и здесь, как мы знаем, власти относились к эмигрантам из России к большим подозрением. Неожиданно Махно был арестован и посажен в тюрьму по обвинению в подготовке восстания на территории Галиции (польские власти, как я уже говорил, очень боялись украинских националистов). Под стражей Махно провел два месяца, но на суде сумел доказать, что он не только не имеет отношения к предъявленным ему обвинениям, но в свое время оказал большую поддержку польской армии, оттянув силы красных с польского фронта. Суд был вынужден вынести Махно оправдательный приговор, но тем не менее он был выслан из страны и через Данциг и Германию добрался до Франции.

На какое-то время Махно стал популярной фигурой в глазах репортеров парижских бульварных газет. Писали о нем часто, и, кажется, он сам поверил, что является лидером анархистов всего мира. Махно попытался сыграть роль теоретика и идеолога анархизма и даже создать нечто вроде партии анархистов (что противоречило самому духу анархизма). Увы, денег это не приносило и жил Махно впроголодь, в основном за счет заработка жены, устроившейся уборщицей в один из третьеразрядных пансионатов. К этому времени у него обострился туберкулез, нажитый в свое время в Бутырской тюрьме. В 1934 г. он и свел Махно в могилу. Похоронен легендарный «батяка» на парижском кладбище Пер-Лашез, неподалеку от знаменитой «Стены коммунаров»²³. Жена Махно Галина Кузьменко вместе с дочерью продолжали жить в Париже, но, после того как французская столица была захвачена немцами, они были арестованы и отправлены в концлагерь. Из заключения их освободила в 1945 г. Советская Армия, однако, естественно, жена Махно вновь была арестована и оказалась на этот раз в советских лагерях.

Мы начали наш обзор основных политических течений эмиграции с левого фланга. Центральную же часть политическо-

---

²³ Шубин А. Махно и махновское движение. М., 1998. С. 186.

го спектра занимали либералы, главной организованной силой которых была партия кадетов. Изгнание разметало кадетских лидеров по самым разным странам. В Швейцарии, неподалеку от Лозанны, поселился патриарх кадетской партии Петрункевич вместе со своей падчерицей графиней Софьей Владимировной Паниной. В Праге жил А.А. Кизеветтер, фактически отошедший от политики и занимавшийся большей частью делами Русского заграничного архива. Наиболее активные кадетские организации в начале 1920-х гг. действовали в Берлине и Париже. В Берлине печатным органом кадетов была газета «Руль». Ее редактор И.В. Гессен и другой видный деятель кадетской партии В.Д. Набоков (бывший управляющий делами Временного правительства и отец писателя Набокова-Сирина) были душой берлинской группы. В Париже выходил главный печатный орган русских либералов за границей – газета "Последние новости". Как уже отмечалось, бессменным редактором и издателем газеты был П.Н. Милюков.

Милюков покинул Россию еще в 1919 г., причем в немалой мере не по своей воле. В первые месяцы существования Временного правительства лидер кадетов, занимавший тогда пост министра иностранных дел, заработал себе репутацию убежденного сторонника продолжения войны до победного конца в тесном единении с союзниками. Как известно, именно нота Милюкова, составленная в таком духе, стала поводом, вызвавшим апрельский кризис Временного правительства, в результате чего и сам автор ее вынужден был уйти в отставку. Но год спустя неожиданно для всех Милюков кардинально поменял свою точку зрения. В ту пору он находился в Киеве, оккупированном немцами, и, может быть, увиденное здесь повлияло на его взгляды. Милюков заявил, что верность союзническим обязательствам в условиях, когда власть в столицах захвачена большевиками, является не только не нужным, но и опасным делом. Необходимо немедленно достигнуть соглашения с Германией и, опираясь на силы немцев, свергнуть большевиков.

Вероятно, с точки зрения практической целесообразности позиция Милюкова и имела смысл, но в кругах его единомышленников известие о том, что лидер партии вдруг начал покло-

няться тому, что недавно сжигал, произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Скорее всего, Милюкову это было не так уж и важно (он привык не слишком считаться с окружающими), но, к его несчастью, избранная им тактика оказалась не слишком хорошо продуманной. После поражения Германии в Первой мировой войне Милюков оказался не только в положении еретика, но, что еще более важно, лжепророка. В политической жизни антибольшевистской России ему уже не было места, и он вынужден был покинуть страну.

Похоже, что какое-то чувство обиды Милюков все же после этого затаил. Во всяком случае его поведение в эмиграции носило оттенок и некоторого эпатажа. Большинство кадетов и за рубежом, по крайней мере в первые годы, оставались на непримиримых позициях в отношении большевизма. Они достаточно критически относились к деятельности правительств Деникина и Колчака (в которых сами принимали активное участие), но полагали, что с учетом прежних ошибок попытка свергнуть большевиков с оружием в руках может быть предпринята вновь. Милюков же заявил, что любая вооруженная борьба обречена на поражение. По его мнению, главной причиной неудачи белых было то, что они не учли последствий революции. Россия уже не может стать такой, какой она когда-то была. Но здоровые силы страны неизбежно возьмут верх. Большевизм помимо своего желания вынужден будет приспособливаться к этому, и рано или поздно все вернется на круги своя. Пусть Россия теперь называется СССР, но под этим псевдонимом неизбежно вырастет новая Россия, наследница тысячелетней истории, только еще более сильная и могучая. Ни в коей мере не надо расценивать эту позицию как своеобразное «большевизанство». К большевикам Милюков продолжал относиться весьма критично, но он попытался увидеть причины, позволившие им победить в Гражданской войне и удержаться у власти. Это само по себе было достаточно любопытно, так как большей частью эмигрантов интересовали причины поражения антибольшевистского движения, нежели победы большевиков.

Однако позиция Милюкова не нашла поддержки у остальных представителей кадетского руководства. Это продемонстри-

ровало совещание членов ЦК, проходившее в Париже в июне 1921 г. Оказавшись на нем в меньшинстве, Милюков фактически пошел на раскол. Его сторонники объявили себя Демократической группой кадетской партии, а в 1924 г. Милюков уже и формально порвал с кадетами. На базе Демократической группы было создано Республиканско-демократическое объединение, куда предполагалось вовлечь сочувствующих и из числа правых меньшевиков и эсеров. Наиболее резкими критиками Милюкова были члены берлинской группы кадетов. Однако, будучи интеллигентными людьми, они не позволяли себе, чтобы политические разногласия вылились в личную неприязнь. Контакты между Берлином и Парижем продолжались и после разрыва. В 1922 г. Милюков был приглашен в Берлин для того, чтобы прочесть лекцию о своем видении задач, стоящих перед эмиграцией. В зале собралось более тысячи слушателей (Милюков был известной фигурой, да к тому же превосходным оратором). Во время перерыва, когда докладчик спустился в зал и отвечал на вопросы, из толпы неожиданно выскочили два человека и открыли стрельбу. Милюкова спасло то, что Набоков, его прежний сотоварищ, а теперь политический оппонент, закрыл его своим телом. Набоков при этом погиб. Террористы же, как выяснилось, принадлежали к монархической организации крайне правого толка и таким образом хотели покарать Милюкова за его роль в крушении российской монархии.

Республиканско-демократическое объединение, вопреки надеждам его создателей, так и осталось крайне незначительной по численности группой. Но, что касается самого Милюкова, то это не поколебало его авторитета и популярности. Как я уже говорил, «Последние новости» оставались самой многотиражной газетой эмиграции. Ее внимательно читали и в Советском Союзе. По слухам, каждый свежий номер немедленно ложился на стол Сталина, для которого эта газета была очень удобным чтением: с одной стороны, вроде иностранная, а с другой – на русском языке. И прочесть о себе на страницах газеты он мог много любопытного.

Милюков, несомненно умный челок, тем не менее принадлежал к категории людей, что называется, «упертых». Определив свою позицию, он продолжал отстаивать ее до конца даже тогда,

когда реальные факты ей противоречили. Когда после смерти Ленина в СССР разгорелась борьба за власть между его наследниками, Милюков сделал ставку на Сталина. Он убедил себя в том, что Сталин – воплощение посредственности, обыватель, практик. Раз так, то он лучше, чем кто-то другой, сумеет обеспечить то перерождение большевизма, в которое так верил Милюков. Во всяком случае, он менее опасен, чем Троцкий, сохранявший традиции фанатичного большевизма революционных лет. Милюков продолжал верить в это даже тогда, когда Сталин начал загонять крестьян в колхозы, когда в Москве начались судилища на бывшими членами партийного руководства. Нет, Милюков не закрывал глаза на тот фарс, который крылся за московскими процессами, но столь же верил, что «дыма без огня не бывает».

Война СССР с гитлеровской Германией еще более ускорила перерождение взглядов Милюкова. После немецкой оккупации Парижа он был вынужден бежать из французской столицы и поселился в маленьком городке Экс-ле-Бен в Савойских Альпах. Здесь он и написал наделавшую много шума статью «Правда о большевизме», в которой призвал эмигрантов оказаться от прежней вражды к большевистской России. В ту пору это были достаточно распространенные настроения, рожденные чувством патриотизма и надеждой на грядущие перемены в поведении советского руководства. После войны они рассеялись довольно быстро, но Милюков до этого не дожил. Он умер в феврале 1943 г., и смерть его тогда прошла почти незамеченной.

Мы уже говорили о том, что эмиграция была своеобразным «срезом» России, но вместе с тем она не была уже Россией прежней, безвозвратно ушедшей в историю в 1917 г. Если до революции русская интеллигенция в большинстве своем исповедовала различные оттенки либерализма или социализма (быть монархистом считалось чем-то неприличным), то за время революции и Гражданской войны симпатии ее существенно сдвинулись вправо. В эмиграции уже большинство тех, кто интересовался политикой, скорее причисляли себя к монархистам.

Но в вопросе о том, что такое монархизм, единства среди монархической эмиграции не было. Кто-то по-прежнему верил в идеалы конституционной монархии, кто-то, озлобившись, пола-

гал, что Россия должна вернуться к самодержавной форме правления, отринув все наследие не только Февральской революции 1917 г., но и предшествовавшей ей 1905 г. Кто-то, и таких было большинство среди бывших офицеров, видел в монархии прежде всего сильную власть, диктатуру, лишь в силу традиции увенчанную короной. В отличие от социалистов и либералов, русские монархисты, по крайней мере с 1917 г., не были организованы в политическую партию.

Для того чтобы внести единство в среду монархической эмиграции, было решено созвать съезд, на котором предполагалось обсудить все наиболее важные политические вопросы. Инициатором его созыва стал Н.Е. Марков. В предреволюционное время, наряду с В.М. Пуришкевичем, он считался одним из лидеров российских крайне правых. Популярность Маркова началась с того, что он, курский помещик, был избран депутатом III Думы (где был известен как Марков-второй, в отличие от своего дяди – тоже думского депутата). Человек огромного роста, с зычным голосом, позволявшим ему перекричать любую аудиторию, Марков стал постоянным героем думских скандалов, заработав прозвище «Марков-валяй». По политическим взглядам он примыкал к крайнему крылу черносотенцев. Марков входил в состав Главного Совета Союза русского народа и скоро стал его реальным руководителем, заставив уйти на второй план создателя Союза доктора А.И. Дубровина. В Гражданскую войну Марков находился в Финляндии, активно участвовал в борьбе с большевиками и одно время был близок к Северо-Западному правительству, сформированному генералом Н.Н. Юденичем.

В эмиграции Марков нашел единомышленников, причем не только среди русских беженцев. Его союзником стал Макс Эрвин фон Шёйбнер-Рихтер, председатель действовавшего в Баварии общества «Ауфбау» (Возрождение). Шёйбнер-Рихтер был уроженцем Курляндии, когда-то служил в русской армии, а в Первую мировую войну воевал по другую сторону фронта – под знаменами кайзера Вильгельма. Но связей с Россией он не утратил, и более того, пребывал в убеждении, что только русско-германское единство способно возродить обе страны. К тому же он обладал очень полезными связями: среди его знакомых были миллионер-

промышленник Фриц Тиссен, генерал Эрих фон Людендорф. Близко знаком был Шёйбнер-Рихтер и с вождем только-только заявлявшей о себе нацистской партии Адольфом Гитлером.

Поначалу съезд предполагалось провести в Берлине, но социал-демократы из правительства Веймарской республики, видимо, не захотели связывать себя с «русскими реакционерами» и перенесли съезд в Баварию, где у Шёйбнера-Рихтера были прочные связи. Съезд открылся в мае 1921 г. в курортном местечке Бад-Рейхенгаль. Для конспирации он был назван «Съездом хозяйственного возрождения России», но отнюдь не экономические проблемы доминировали на его заседаниях. Среди его участников были весьма заметные в эмиграции фигуры – тот же Марков-второй, бывший ярославский губернатор Римский-Корсаков, тоже один из лидеров крайне правых, глава Русской православной церкви за рубежом митрополит Антоний (Храповицкий), бывший украинский гетман Скоропадский. С Дальнего Востока специально прибыл атаман Семенов. Правда, на съезде не было никого из представителей дома Романовых, не откликнулся на приглашение организаторов и Врангель.

Суть настроений собравшихся наиболее ярко выразил Марков. Он напомнил, как еще на заседании Государственной Думы в ответ на слова адвоката Плевако, заявившего, что русскому народу «пора надеть тогу гражданина», сказал: «Не римская простыня нужна русскому народу, а теплый романовский полушубок». Теперь Марков добавил, что нужна «тугая трехцветная опояска и ежовые рукавицы». В том, что будущая Россия должна быть самодержавной монархией, у большинства участников съезда сомнений не было. Но борьбу за восстановление монархии начинать, по их мнению, должна была уже эмиграция. На съезде был создан Высший монархический совет под председательством все того же Маркова (он вообще прожил долгую жизнь и умер лишь в 1945 г.). Делегаты постановили обратиться к вдовствующей императрице Марии Федоровне с просьбой собрать семейный совет для определения кандидатуры блюстителя престола.

С кандидатурой на трон проблема была действительно непростая. Для того чтобы разобраться с этим, необходимо вспомнить действовавшие до революции законы о престолонаследии. Со-

гласно акту от 1797 г. с позднейшими дополнениями, внесенными при Александре II, русский трон должен был наследоваться по нисходящей мужской линии. Следовательно, теоретически право на корону имел каждый мужчина из дома Романовых, фактически же его шансы занять трон зависели от того, насколько близко он находился в родственных отношениях с царствовавшим императором.

К началу XX в. все многочисленные представители дома Романовых были потомками одного человека – императора Николая I. У Николая было четверо сыновей – Александр (будущий император Александр II), Николай, Константин и Михаил. У Александра II в свою очередь было четыре сына – Николай (он умер еще при жизни отца и потомства не оставил), Александр (Александр III), Владимир и Павел. У Александра III было два сына – Николай (Николай II) и Михаил и две дочери – Ксения и Ольга. У Николая II, как известно, было четыре дочери – Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия и сын Алексей. Значит, в случае пресечения главной династической линии, право на трон переходило сначала к потомству великого князя Владимира Александровича, потом – к детям великого князя Павла Александровича и лишь затем к Николаевичам, Константиновичам и Михайловичам, опять-таки в порядке старшинства.

Следует сказать несколько слов об оказавшихся в эмиграции представителях семейства Романовых. Начнем с сестер Николая II, хотя в силу того, что они были женщинами, из числа претендентов на трон они автоматически выпадали. Старшая из сестер императора – великая княгиня Ксения Александровна – была замужем за своим троюродным дядей, великим князем Александром Михайловичем (дочерью от этого брака была княжна императорской крови Ирина Александровна, бывшая замужем за Феликсом Юсуповым). В 1918 г. великая княгиня Ксения вместе с мужем и детьми жила в Крыму, и лишь весной следующего года вместе с другими Романовыми выехала за границу. Здесь ее отношения с мужем разладились. Хотя формально они так и не развелись, но жили отдельно. Пробыв некоторое время у матери в Дании, великая княгиня Ксения поселилась в

Англии, где ее кузен – английский король – предоставил ей особняк в Лондоне. Умерла Ксения Александровна в 1960 г.

Младшая сестра Николая II Ольга была непохожа на других своих родственников. Ее всегда тяготила дворцовая атмосфера, она подчас допускала поступки, вызывавшие дрожь у ревнителей придворного этикета. В первом браке Ольга была замужем за принцем Петром Ольденбургским – представителем боковой ветви Романовых, давно обрусевшей, несмотря на свою фамилию. Однако этот брак, заключенный чисто в угоду правилам, оказался неудачным. Ольга рассталась с мужем (что было непросто, памятуя, что развестись тогда было почти невозможно). Позднее она сошлась с гвардейским ротмистром Николаем Куликовским. Связь их тянулась долго и в 1916 г. закончилась официальным бракосочетанием. С точки зрения традиций дома Романовых это был чистой воды мезальянс, но Николай II очень любил сестру и вопреки всем правилам дал согласие на эту свадьбу.

В годы Гражданской войны великая княгиня Ольга Александровна жила на Кубани, пыталась вести фермерское хозяйство, но в 1919 г., как и другие Романовы, выехала за границу. Долгие годы она жила в Дании, здесь у нее родились сыновья Гурий и Тихон. После Второй мировой войны она переехала в Канаду, где и умерла в 1960 г.

Среди ближайших родственников последнего царя, оказавшихся в эмиграции, нужно назвать его двоюродного брата великого князя Кирилла Владимировича и двоюродного же дядю великого князя Николая Николаевича. Последний был особенно популярной фигурой среди эмигрантов-монархистов. В 1914–1915 гг. великий князь Николай Николаевич являлся главнокомандующим русской армией и по этой причине был хорошо известен в военной среде. Его считали прирожденным диктатором – именно той личностью, которая способна возглавить Россию после свержения большевиков. Революцию великий князь Николай Николаевич пережил в Крыму в своем имении Дюльбер. В 1919 г. он был вывезен англичанами в Европу и с тех пор жил во Франции. Зимой он обычно проводил в замке Шуаньи под Парижем, а на лето выезжал на средиземноморское побережье в Антиб. В политической борьбе, раздиравшей эмиграцию, Нико-

лай Николаевич прямого участия не принимал, но неоднократно давал понять, что готов возглавить освобождение России, если ему будет сделано такое предложение. Умер великий князь Николай Николаевич в 1929 г.

С точки зрения закона гораздо больше прав на трон имел великий князь Кирилл Владимирович. Но он еще в дореволюционные годы не раз оказывался в центре скандалов, шокировавших правоверных монархистов. Начало положила женитьба великого князя, совершенная вопреки правилам, без согласия императора. В феврале 1917 г., когда рухнула российская монархия, великий князь Кирилл Владимирович одним из первых присягнул революционному правительству и приказал поднять над своим дворцом красный флаг. Это не помешало ему в августе того же года без лишнего шума покинуть Россию. Через Финляндию он переехал в Европу, где в 1922 г. объявил себя местоблюстителем императорского престола.

Обстоятельства смерти царской семьи, долгое время окутанные тайной, породили надежду на то, что если не всем, то кому-то из екатеринбургских узников удалось спастись. Это, в свою очередь, привело к появлению на свет огромного количества самозванцев, долгое время заставлявших говорить все русское зарубежье. Кого только среди них не было! То там, то здесь появлялись чудесно спасшиеся Ольги, Татьяны, Марии. Еще не так давно, в 1994 г., в Испании заявил о себе некий Алексей д'Анжу де Бурбон Конде, князь Романов Долгорукий, объявивший себя «наследным князем и цесаревичем Российским, королем Украинским и великим князем Киевским». Владелец этого пышного титула заявлял, что он является сыном великой княжны Марии Александровны, якобы бежавшей во время Гражданской войны в Румынию и здесь тайно вышедшей замуж. Суд, куда обратились истинные потомки княжеского рода Долгоруких, выяснил, что на самом деле его звали Алекс Бримейер, он был бельгийским гражданином, и, кажется, слегка тронулся умом. Умер «король Украинский» в 1995 г.

Но чаще среди самозванцев почему-то встречались «Алексеи» и «Анастасии». Самым известным из самозванцев, выдававших себя за царевича Алексея, был некий Михаил Голенев-

ский. Он был поляком по национальности и в чине полковника после Второй мировой войны служил в польской военной разведке. В середине 1950-х гг. Голеневский вошел в тайный контакт с американцами и с тех пор превратился в двойного агента. Он выдал ЦРУ немало секретов, в том числе касавшихся не только польской, но и советской разведки, в частности, таких советских агентов, как Джон Блейк и Конон Молодой. В 1961 г. Голеневский перебрался в США, но здесь оказался никому не нужен. Деньги кончались, и отставной шпион решил вновь привлечь к себе внимание.

Он заявил, что на самом деле является спасшимся из большевистских застенков царевичем Алексеем. По его словам, спаслись удалось всей царской семье: Юровский, сжалившись, выпустил их и помог выбраться за границу. Поселились Николай II, его жена и дети в Польше и все последующее время скрывались, опасаясь большевистской агентуры. Сам бывший царь умер в 1952 г. в возрасте 84 лет, а сын его при первой же возможности уехал на Запад.

Желаемого признания Голеневский не получил. И русские эмигранты, и американские власти постарались держаться подальше от него. Тем не менее он продолжал упорствовать и вплоть до своей смерти в 1993 г. продолжал утверждать, что он – чудесно спасшийся цесаревич.

Больше же всего шуму наделала история с лже-Анастасией. В феврале 1920 г. берлинская полиция спасла бедно одетую женщину, пытавшуюся покончить самоубийством, бросившись в канал Ландвер. Спасенная долго не могла назвать своего имени, зато когда заговорила, ее признания стали сенсацией. Женщина назвала себя младшей дочерью Николая II великой княжной Анастасией. По ее словам, в тот роковой день, когда погибла царская семья, ее спас красноармеец Александр Чайковский, поляк по национальности. Долгим путем, через Румынию и Польшу, она добралась до Германии, но не смогла здесь найти ни жилья, ни работы. Отчаявшись, она собралась свести счеты с жизнью и, как мы уже знаем, благодаря этому оказалась в руках полиции.

История спасения «великой княжны» с самого начала вызывала много сомнений. Начать с того, что по-русски она почти не

говорила. Не слишком убедительно выглядело и объяснение того, почему она так долго хранила молчание о своем происхождении. Большинство русских эмигрантов сочли «Анастасию» самозванкой, но, к удивлению, у нее обнаружились и восторженные сторонники. Сама «Анастасия» старалась держаться в стороне от политики. Для того чтобы избежать назойливых газетчиков, она жила под именем Анна Андерсен, не отказываясь, впрочем, от претензий на родство с династией. Главным ее занятием стали постоянные суды с целью попытаться добыть из английский банков якобы находящиеся там «деньги Романовых». Ни один из этих процессов выиграть ей не удалось. Суд, начавшийся еще в 1938 г. – о поместье в Германии, принадлежавшем последней императрице, закончился только в 1976 г. Умерла лже-Анастасия в 1984 г. Большинство современных исследователей считают, что под именем русской великой княжны скрывалась польская крестьянка Франциска Шанцковска. Но история о чудесном спасении младшей дочери последнего царя оказалась востребована сентиментальной публикой и потому много раз позднее служила темой романов и кинофильмов.

Быть может, именно появление многочисленных самозванцев подтолкнуло великого князя Кирилла Владимировича к решительным действиям. В августе 1924 г. он официально объявил о том, что принимает императорский титул. Это шокировало многих, в том числе и тех, кто в общем-то склонен был поддерживать великого князя. Но слишком уж анекдотично звучал императорский титул применительно к ситуации, когда сама империя вот уже семь лет как исчезла с политической карты (впрочем, Кирилл мог апеллировать к историческим прецедентам – в конце концов, граф д'Артуа много лет именовал себя в эмиграции Людовиком XVIII). Большинство находившихся в эмиграции представителей семейства Романовых предпочли молчаливо признать верховенство Кирилла: его права на трон оспорить было трудно. Лишь великий князь Николай Николаевич, сам претендовавший на лидерство в монархическом движении, вплоть до своей смерти продолжал открыто выступать против Кирилла. Монархическая эмиграция поделилась на «николаевцев» и «кирилловцев», причем первых было заметно больше.

Но Николай Николаевич, как мы уже отмечали, умер в 1929 г., через девять лет умер и его соперник. К этому времени противостояние в монархическом лагере постепенно лишилось прежней остроты. Эмиграция все больше погружалась в мелкие бытовые проблемы. Надежда на скорое возвращение в Россию становилась все более призрачной.

Конечно, эмиграция жила не одной политикой. За недолгий срок, отведенный ей судьбою, русская эмиграция породила столько ярких явлений культуры, что это действительно поражает. Это выглядит парадоксом, но никогда прежде Европа не заимствовала из русской культуры столько, сколько пришлось ей позаимствовать тогда, когда прежней России уже не стало. В этом еще одна историческая заслуга эмиграции: жертвуя собой, она способствовала сближению России и Запада.

Вопросы для самоконтроля

1. Перечислите главные политические течения в русской эмиграции.
2. Назовите основные группировки внутри монархической эмиграции.
3. Какова была судьба в эмиграции левых партий?

Глава 5.

Культурная жизнь русской эмиграции

Несмотря на все трудности эмигрантского быта, культурная жизнь быстро наладилась во всех странах русского рассеяния. Особенностью этого процесса было то, что она выросла из дореволюционной эмиграции, состоявшей из русских художников, артистов, живших в Европе уже в конце XIX – начале XX в. Необычное русское возрождение, связанное с «Миром искусства» (название, данное Сергеем Дягилевым своему журналу и выставкам), и «Русские балеты» (Русские сезоны), созданные Дягилевым, заняло видное место в культурной жизни европейских столиц. Во время революции многие художники и артисты первое время верили, что новый режим предпочтет модернистские искания. Как только оказалось, что это не так, они стали использовать любую возможность: турне, выставки и др., чтобы остаться на Западе (который другие даже и не покидали). За пределами России оказалась едва ли не половина творчески активных носителей прежней культуры. Интеллигенция составляла немалую часть русских эмигрантов. Используя язык танца, музыки, цвета, доступный западной общественности (за исключением театра, где вставал языковой барьер), артистическая жизнь имела возможность (в отличие, например, от жизни политической) выйти за узкие рамки эмиграции, оставаясь тем не менее ее неотъемлемой составной частью. Поэтому, с одной стороны, одной из задач эмиграции было сохранение русской культуры, ее лучших традиций, а с другой стороны, ее развитие в связи с новыми веяниями, т. е. сохранение ее уникальности, но в то же время ее внедрение в мировую культуру. Первая задача долгое время (в связи с надеждой на возвращение в Россию) казалась более важной и первостепенной, она стала как бы миссией русской эмиграции.

Показательно в этом отношении категорическое неприятие новой орфографии, якобы большевистской, хотя эта реформа

была подготовлена Российской Академией еще до революции. Позиция того или иного человека по вопросу об орфографии была символом и показателем его отношения к советской системе и к революции. Некоторые писатели-эмигранты, например З. Гиппиус и И. Бунин, непременно настаивали на том, чтобы их произведения печатались по правилам старой орфографии. Только в 1930-е гг. книжная культура эмиграции постепенно переходит на новый стиль. Русский язык не просто воплощал в себе традицию современной русской культуры, но и представлял собой элемент самосознания граждан зарубежной России. Именно он связывал эмигрантов с их прошлым и помогал преодолевать разобщенность. Эмигранты всячески отстаивали чистоту русского языка.

Одной из тем эмигрантской публицистики был вопрос о прописных и заглавных буквах, который имел важное идеологическое значение (Белый Воин, Крестный Подвиг). Так, например, в эмигрантской литературе слово Бог, если речь шла не о боге многобожия, неизменно писалось с большой буквы, в отличие от написания этого слова в Советской России. Однако молодое поколение эмигрантских поэтов отказалось от «больших букв», продемонстрировав свой разрыв с символизмом и отбросив многие политические лозунги.

Речь шла не только о чистоте языка, но и о чистоте традиций. В этой связи нельзя упускать из внимания и такие явления, как борьбу русских эмигрантов с неологизмами как советского, так и западного происхождения, а также с иностранными словами и выражениями. Советская речь очень быстро обогатилась различными сокращениями, с чем также активно боролась эмиграция (как в русском, так и в иностранных языках). И в этой связи литература русского зарубежья была учебником и учителем правильной речи для русской эмигрантской молодежи. Особенностью эмигрантского языка было то, что если в нормально развивающемся языке, опирающемся на язык трех поколений, литературно-нормативное определяется ориентацией на среднее поколение, то в эмиграции главным носителем норм стало старшее поколение, отодвинувшее границу литературности далеко назад. Еще одна языковая новация была характерна в первую

очередь для русской эмиграции в странах Европы. Здесь скопилось немалое количество выходцев из бывших южных губерний и потому особенно был заметен «одесско-харьковско-киевский», по выражению Тэффи, говорок и фразы. Многие репортеры и газетные хроникеры писали на этом «одесском» языке. Поэтому надо сказать, что постепенно менялись значение и смысл некоторых слов, стиль речи.

В формах творческого общения и в своих культурных пристрастиях эмиграция взяла на вооружение способы коммуникации, характерные для России начала XIX в.: литературный салон, кружок, клуб. Относительно более консервативными стали и художественные вкусы. Авангардные поиски в эмиграции не прижились. Повторилась особая роль «толстого» журнала и лидирующее место поэзии.

Принцип «культурного гнезда», который являлся основным механизмом существования русской культуры за рубежом, предполагал тесное взаимодействие всех сфер творчества: литературы, музыки, живописи, сценографии.

Русское изобразительное искусство обосновалось в Париже еще до революции, многие из художников учились здесь. Художники-эмигранты внесли огромный вклад в мировую и отечественную живопись. Кто-то писал картины, иконы, кто-то занимался прикладным творчеством: расписывал храмы, театры, готовил театральные декорации.

Как уже было упомянуто ранее, эмиграция предполагала тесное взаимодействие. Сотрудничество художников в эмиграции вытекало и из элементарной необходимости выживания. Изобразительное искусство находилось в несколько иной ситуации, нежели литература. Здесь вопрос сохранения самобытности не стоял так остро. Большинство художников испытали на себе влияние Запада. Не было и языковой проблемы, изобразительное искусство всегда интернационально и востребовано.

Наиболее далеким от задачи сохранения «русскости» оказалось авангардное искусство, интегрированное в европейскую культуру еще до революции. В конце 1920-х гг. русский авангард за рубежом, породив несколько течений в декорации и моде, распался на отдельные школы, зачастую представленные

единственной личностью. Художники объединяются уже не столько по сходству форм и живописного языка, сколько по личным отношениям, землячествам, совместной работе и т.д.

В этом смысле показательна жизнь и творчество за границей Марка Шагала, который после смерти «легенды Монмартра» А. Модильяни стал лидером ведущего художественного экспериментаторского направления в Европе – так называемой «парижской школы». С 1910 по 1913 г. он проживал в Париже, был знаком с Модильяни, Аполлинером и другими деятелями искусства. В 1918 г. он был назначен комиссаром искусств в его родном Витебске, где он вместе с Малевичем, Пуни и Добужинским создал революционную академию. В 1922 г. Шагал эмигрирует в Париж, где его работы уже известны благодаря иллюстрациям, нарисованным им к басням Лафонтена, затем Библии, и, наконец, росписи потолка в Опера де Пари. На его творчестве сказались его еврейское происхождение, проживание в русской среде и в западном мире. Многие художники также испытывали такое тройственное влияние. Вокруг Шагала в 20 – 30-е гг. в Париже сконцентрировалась интернациональная группа художников с яркой индивидуальностью, которая сыграла значительную роль в распаде и трансформации кубизма, да и всего европейского авангарда.

Одним из ярчайших представителей авангардизма был Василий Кандинский, создатель и теоретик абстрактного искусства, который большую часть времени прожил в Германии и даже сочинял стихи на немецком языке, как и Шагал. Первые после-революционные годы в Советской России были удачными для него в плане творчества, он легально приехал в Германию для преподавания. Когда в Германии пришли к власти нацисты, Кандинский переехал во Францию.

Авангардистские художники, которые продолжили свои эксперименты, уже не имели отношения к русской живописи, оказав серьезное влияние на все течения европейского авангарда. Творчество П.Н. Филонова, М.З. Шагала, В.В. Кандинского и К.С. Малевича теперь стало частью мировой культуры, это было иное решение дилеммы – «сохранять или ассимилироваться».

Если пристрастия иностранной публики были на стороне этих художников-новаторов, то эмиграция воспринимала авангард как механическое и «революционное» искусство, которое оказало некоторое воздействие и на выбор художественного языка русской живописи в эмиграции. В моду вошли передвижники, большой любовью пользовались пейзажисты. Вообще реалистическая школа живописи воспринималась как предмет национальной гордости и символ «русскости». Большинство художников-эмигрантов вернулись к традициям и стилистике 1900-х гг. Бывшие «мирискусники» и новаторы сделали шаг назад: от формотворчества к модернизированному классицизму. Даже крайне левые кубисты и футуристы поворачивали к неоромантизму.

Деятели «Мира искусства» снова оказались в моде. А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, М.В. Добужинский, Н.С. Гончарова смогли продолжить участие в постановках оперных и балетных спектаклей в рамках «Русских сезонов». Постоянно бедствовал за границей К.А. Коровин, талантливый художник, пейзажист, декоратор, на чьем творчестве сказалось сильное влияние импрессионизма. Широкую известность получили работы художника, портретиста, иллюстратора, автора театральных и кинопостановок Анненкова, известного декоратора Л.С. Бакста, графика и театрального художника И.Я. Билибина, жанрового живописца и портретиста Ф.А. Малявина, одного из основоположников кубизма, скульптора А.П. Архипенко и многих других. Все они принимали активное участие в культурных начинаниях эмиграции.

Критик С.М. Маковский свидетельствовал об успехе эмигрантской живописи у французских зрителей. С 1920 г. выходит на новый уровень книжно-оформительское творчество М.В. Добужинского. Невиданный на родине успех выпал и на долю художников из молодого поколения эмиграции – А.Е. Яковлева и В.И. Шухаева, которые работали в стиле неоакадемизма. Вслед за Л.С. Бакстом в Париже искусством театральных декораций и костюмов блистал С.Ю. Судейкин, а в Берлине – Б.Д. Григорьев. Русские спектакли в оформлении Н.К. Рериха и Анисфельда вызывали аплодисменты в Нью-Йорке, а постановки Браиловского – в Софии.

Продолжалось возрождение русской иконы и иконописи за рубежом. Интерес к ней как к предмету искусства только усиливался, началась мода на собирание икон среди иностранных коллекционеров. Иконописная традиция русского модерна в эмиграции была продолжена художниками Д.С. Стеллецким, супругами Бенуа и их сыном. В эмиграции возникло увлечение русской стариной. Внимание к мелочам дореволюционного быта, стремление запечатлеть, остановить время можно отметить в работах художников зарубежья.

Богатством и разнообразием отличалась выставочная деятельность художников-эмигрантов («Осенний салон» и «Салон независимых», выставки «Мира искусства», передвижников, «Академическая» и «Историко-художественная» выставки в Париже, выставка русской живописи в Лондоне, «Русский павильон» в Венеции, выставка «Русское искусство в Китае» и другие общие и персональные экспозиции).

Задача сохранения художественного наследия решалась в форме создания музеев и коллекций, которых в связи с материальными сложностями было немного. Самым крупным был Русский культурно-исторический музей, созданный в 1933 г. в Праге последним секретарем Л.Н. Толстого В.Ф. Булгаковым. Картины, документы и вещи собирались с 1925 г. Практически все художники-эмигранты бесплатно передали свои картины в этот музей. Здесь были собраны работы А.Н. Бенуа, З.Е. Серебряковой, Н.С. Гончаровой, К.А. Коровина, И.Я. Билибина, М.В. Добужинского, Н.К. и С.Н. Рерихов и многих молодых художников, в основном направления модерна. Особенно активны были участники объединения «Мир искусства». Другим крупным пополнением музей был обязан Н.К. Рериху. Присланные художником картины отражали все периоды его творчества. Музей планировал не только хранить, но и активно знакомить зарубежных зрителей с достижениями эмиграции в области культуры.

Русская музыкальная культура за рубежом оказалась примерно в тех же условиях, что и изобразительное творчество, поскольку также не требовала перевода и являла собой интернациональное искусство. Накануне революции в Европе на гастро-

лях было несколько групп артистов императорских театров. Они стали первыми эмигрантами.

Силами русских оперных исполнителей на европейских сценах шли «Князь Игорь», «Борис Годунов», «Снегурочка», «Сказка о царе Салтане», «Сказание о граде Китеже», «Царская невеста». Русские оперные исполнители были звездами мировой величины: Нина Кошиц, Мария Кузнецова, Мария Давыдова, Георгий Смирнов и другие. Наибольшей известностью и популярностью как среди эмигрантов, так и среди иностранной публики пользовался Федор Шаляпин, один из наиболее выдающихся певцов прошедшего века. Он стал легендой уже при жизни. Его часто приглашали выступать в различные театры.

Русская эмиграция хотела создать постоянную русскую оперу, однако средств на это не было. Первая попытка ее создания была предпринята в 1925 г., но театр вскоре закрылся. В 1928 г. Альфред Массане поручил распорядиться своими средствами жене, Марии Кузнецовой, которая создала русскую оперу в Париже. Режиссером ее стал Евреинов, балетмейстером – Фокин, Билибин и Коровин – декораторами. Открытие этого сезона русской оперы постановкой «Князя Игоря» в 1929 г. в театре на Елисейских Полях произвело триумф. Но этот потрясающий сезон (4 оперы, 27 представлений) длился не более 6 месяцев. После триумфальных гастролей в Латинской Америке Кузнецова оставила мужа, поселившись в Аргентине. Организацией оперного театра занялся князь Церетели. Но, несмотря на материальную поддержку, оказанную Шаляпиным, периодичность и качество спектаклей ухудшались и перед войной практически сошли на нет. В честь Победы 1945 г. в Париже русскими артистами были даны «Евгений Онегин» и «Пиковая дама».

Среди композиторов, дебютировавших перед революцией, в России не остался практически никто. Первым эмигрировал С.В. Рахманинов, который считал, что революция выбрала не тот путь. Уже в марте 1917 г. он принял решение уехать, но не смог этого сделать до Октябрьской революции. Уезжая из России, он взял только самое необходимое, оставив в Москве дом, имущество, рукописи. 11 лет он жил в США, потом переехал в Европу, обосновавшись в Швейцарии. Слава и успех сопутство-

вали его выступлениям за рубежом. Его называли первым пианистом мира, воспринимая его именно как выдающегося исполнителя, а не композитора. Это неудивительно: дело в том, что в эмиграции Рахманинов музицировал, руководил оркестром, однако его композиторская деятельность в годы эмиграции была менее плодотворной. В течение первых 10 лет жизни в Америке он не занимался сочинительством вообще, а в остальные 16 лет создал всего 6 крупных произведений.

Из русских композиторов наиболее быстро и естественно вошел в европейскую культуру самый авангардный И.Ф. Стравинский. Его творчество оказало большое влияние на музыкальную культуру Европы. Стравинский приехал в Париж вместе с Дягилевым и стал всемирно известен уже в 1913 г. благодаря балету «Весна священная». Он поселился сначала в Швейцарии, а затем – в Париже и в 1919 г. принял французское подданство. Стравинский вновь стал работать с Дягилевым, но уже в новом стиле, более разнообразном. Вторая мировая война забросила его в США, где он и остался до конца жизни. В последний период творчества, придя к додекафонизму, он практиковал музыку как язык полностью автономный, отделенный от визуального, литературного или фольклорного творчества.

Для Сергея Прокофьева знакомство с Дягилевым в 1914 г. также оказалось предопределяющим. Он приехал в Париж после революции, сочинив для Дягилева 3 балета. Но Прокофьев плохо переносил разлуку с Родиной, даже несмотря на то, что эти годы были довольно удачными для его творчества. В 1932 г. он приехал в СССР, где окончательно поселился с 1935 г.

Помимо этих трех корифеев русской музыки, эмиграцию выбрали и многие другие композиторы: Александр Глазунов, который в начале века участвовал в первых сезонах Дягилева, оставил Родину тем не менее одним из последних – в 1928 г.; его современник Александр Гречанинов, известный своей духовной музыкой, страдал от разлуки с Родиной, как и Николай Медтнер, пианист-виртуоз и композитор, автор замечательного труда по эстетике «Муза и мода»; Николай Черепнин был первым директором русской Консерватории в Париже и многие другие.

Как уже говорилось, эмигрантская публика проявляла в своих художественных вкусах консерватизм даже больший, чем до революции. Это нередко выливалось в простое подражательство. Многочисленные кабачки с «настоящими цыганами», рестораны с «казачьими ансамблями», концерты русских «душещипательных» романсов при всей своей подчас вульгарности утоляли тоску по родине и знакомой культурной атмосфере. Большой популярностью пользовались выступления русских хоров и балалаечных ансамблей. Музыкальная культура в народном стиле была представлена довольно широко. Эмигранты-казаки организовывали ансамбли песен и танцев, гастролировали по всей Европе. Наиболее известен казачий хор под управлением С. Жарова, который существовал с 1920 по 1960-е гг. и объехал весь мир. Лучший церковный хор пел в кафедральном соборе Александра Невского в Париже. Церковные хоры создавались не только в церковных (пение на литургии и т.д.), но и в финансовых целях – получение прибыли от концертов. Большинство подобных хоровых концертов, выступлений «а ля рус» все же были рассчитаны на иностранцев.

Для самих эмигрантов ближе оказалась песенная культура. Широкую популярность в 20 – 30-х гг. получили песни Вертинского, создавшего свой особый стиль. Его концерты собирали полные залы. Любимой песней, которая всегда вызывала слезы у слушателей, был «галлиполийский гимн», исполнявшийся другой известной еще до революции эстрадной певицей Н.В. Плевицкой:

*Занесло тебя снегом, Россия,
Замело сумасшедшей пургой.
И холодные ветры степные
Панихиды поют над тобой.*

С.В. Рахманинов переложил для оркестра несколько песен, которые Н.В. Плевицкая исполняла на своих концертах.

Эмигрантами стали множество балетных исполнителей. «Русские сезоны» имели шумный успех за границей еще до революции. За границей остались танцоры и балетмейстеры М.Ф. Кше-

синская, А.П. Павлова, В.Н. Нежинский, М.М. Фокин, Г.М. Баланчивадзе (Дж. Баланчин), С.М. Лифарь, Т.П. Карсавина.

До 1929 г. вдохновителем и организатором «Русских сезонов» был С.П. Дягилев. Особенно велики его заслуги в развитии хореографического искусства. После его смерти дело продолжил С.М. Лифарь, ставший во Франции известным балетмейстером. Постановки русских балетных спектаклей к тому времени стали неотъемлемой частью и французской культуры.

Балет во Франции, да и в целом в Европе, долгое время считали именно русским поприщем, а русскую школу балета если не единственной, то одной из лучших. Не случайно в 1969 г. Сергей Лифарь писал, что «мировой балет первой половины XX в. был целиком создан благодаря артистическим силам эмиграции». Ему стоило бы добавить: благодаря импульсу, данному задолго до революции Сергеем Дягилевым. С 1909 г. этот гениальный импресарио представлял в Париже неповторимую труппу Императорского театра. Благодаря ему русский балет стал местом, где соединилось творчество русских и французских писателей (Жан Кокто и др.), музыкантов (Стравинский, Прокофьев и др.), величайших художников (Бакст, Пикассо и др.). Все они отдавали свои таланты в помощь Дягилеву, чтобы создать балет.

После революции жизнь в Париже подорожала, и Дягилев переправил свою труппу в Монте-Карло, ставшее на несколько лет центром русской хореографии. В 1929 г. Дягилев умер. После его смерти во всех уголках света были созданы свои русские труппы.

Известнейшим хореографом был грузин Баланчин (Баланчивадзе). В 1924 г. во время гастролей в Германии он стал невозвращенцем. Он был хореографом последнего дягилевского балета, затем был приглашен в Копенгаген, потом – в Русский балет Монте-Карло и в конце концов обосновался в США, где создал в 1934 г. Американскую балетную школу и труппу «Американский балет», которая неоднократно переименовывалась. С 1925 по 1972 г. Баланчивадзе поставил 27 балетных спектаклей на музыку Стравинского, который разрешил ему делать постановки независимые от театрального сюжета. Он явился родоначальником американского балета. Многие другие также основали свои собственные труппы:

например, Бронислава Нежинская в 1932 г. Основателем Американского театра балета был гениальный русский хореограф Михаил Фокин. Самая престижная балетная премия в Париже носит имя выдающегося танцора Вацлава Нежинского.

Помимо балета как театрального действия во всех странах рассеяния стали возникать русские школы балета. Эти школы считались одними из лучших, но и одними из самых строгих. Одна из известнейших балетных школ – школа Фокина. В 1918 г. он эмигрировал в Швецию, а затем в 1923 г. – в США, где и создал свою школу, хотя и после этого работал в Опера де Пари и в Русском балете Монте-Карло. Его постоянной партнершей была Карсавина (сестра знаменитого философа), которая в 1931 г. оставила сцену. С 1930 по 1955 г. она была вице-президентом Королевской академии танца. Знаменитая балерина Кшесинская, супруга великого князя Андрея Владимировича, в 1929 г. создала в Париже свою школу. Таких школ существовало множество, в основном во Франции и США.

Театральные проблемы эмиграции были связаны не с отсутствием артистов, а с количеством зрителей, необходимых для проведения спектаклей. Если для изобразительного искусства, музыки и балета не было границ и языковых преград, то театр столкнулся с этими проблемами, русские артисты играли на русском языке, поэтому их публикой могли быть исключительно эмигранты или лица, знавшие русский.

Как и балетные труппы, театральные артисты эмигрировали, как правило, коллективами. С лета 1922 по февраль 1924 г. в Европе гастролировали 4 московских драматических театра. В конце сезона 1921/22 г. произошел раскол так называемой «качаловской группы» артистов Художественного театра, значительная часть которой, в том числе М.Н. Германова, Р.В. Болеславский и С.Л. Бертенсон, используя гастроли в Праге, остались за границей. Это было связано как с внутритеатральными проблемами (не всех артистов группы звали в новый Художественный театр и приглашали участвовать в готовившихся гастроллях), так и с гражданской позицией тех, кто отказался вернуться в Советскую Россию. Они влились в ряды многочисленной театральной эмиграции и даже пытались продолжать за границей

свой Художественный театр, который, правда, просуществовал очень недолго. Их возглавил известный актер Михаил Чехов (вернулся в СССР в 1945 г.). Из этой пражской группы выделилась актерская пара Вера Греч и ее муж Павлов, которые оживляли театральную жизнь эмиграции около 40 лет, сначала в Праге, откуда они совершали многочисленные турне в славянские страны, а затем с 1945 г. в Париже. Они были не единственными в своем роде. Санкт-петербургская актриса, красавица Рощина-Инзарова тоже регулярно участвовала в течение нескольких десятилетий в драматических спектаклях и литературных вечерах.

Театральные инициативы рождались друг за другом: в 1928 г. актриса Кирова создала «Русский камерный театр», который поставил множество классических и легких пьес в Париже, а во время летнего сезона – в Медоне; актер Э-Пэ открыл в 1931 г. «Комнатный театр», еще более эфемерный; попытки Никиты Балиева, основателя кабаре «Летучая мышь», сделавшего его известным еще в России, приспособить его для западной публики закончились неудачно.

Одно из наиболее известных и смелых начинаний связано с именем Ильи Фондаминского, известного политика и редактора журналов. В 1936 г. он создал «Русский театр», целью которого было играть не классику, не водевили, а серьезные пьесы молодых эмигрантских авторов: Алданова, Гуля, Набокова и др.

Режиссеры и актеры-эмигранты, сумевшие преодолеть языковой барьер, стали частью западной театральной жизни. Например, супруги Питоевы внесли свой вклад в обновление немецкого, а затем французского драматического искусства. Грузины по национальности, они обосновались в Париже еще в 1905 г. Основываясь на методах Станиславского, они искали способы привнести его методику в западный театр, знакомя французских зрителей с Чеховым. Наибольшего успеха они добились на парижской сцене, где в 20 – 30-е гг. тесно сотрудничали с ведущими французскими актерами и режиссерами.

К сожалению, русский эмигрантский театр в силу языкового барьера так и не стал широко известен зарубежной публике. Актеры-эмигранты из Московского Художественного театра играли почти исключительно перед русскоязычной аудиторией. В

конец концов эмигрантские театральные труппы были вынуждены прекратить свои гастрольные поездки, а затем распались, так как диаспора переживала тяжелые времена и из-за экономических сложностей продолжение поездок было невозможным. Даже в странах с многочисленным русским этническим меньшинством, например в Латвии, где в 20-е гг. существовали русские драматические оперные театры, к середине 30-х под воздействием политических ограничений и экономического кризиса всем подобным попыткам был положен конец.

Убегая от революции, группа кинематографистов, актеров, русских механиков обосновалась во Франции, на Монтрой, на знаменитой студии Пате, чтобы создать там «русскую школу» и вернуть к жизни французское кино, переживавшее кризис после Первой мировой войны. Репутация «русской школы» стала известна во всем мире. Иван Мозжухин, гениальный актер и режиссер, справедливо считался первым актером-звездой в истории кино. Но эта слава, так же как и слава его компаньонов (великого Колина, Натальи Лысенко и др.), длились только до появления звукового кино. Мозжухин не мог подчиниться требованиям Голливуда: русский акцент выдавал его, эстетика стала другой. Непринужденность сменилась бедностью, болезнью. После возвращения во Францию он появился последний раз в «Ничего» Жана Барончелли (1936 г.), потом, по некоторым источникам, покончил жизнь самоубийством. В звуковом кино вклад русской эмиграции был второстепенным, за исключением Валерия Инкижинова: он сыграл главную роль в фильме «Улица без радости» с Гретой Гарбо, а также в киноленте «Железнодорожные пираты» Кристиана-Жака. Были и другие русские актеры в зарубежном кино, однако чаще всего они играли второстепенные роли типа «кушать подано».

Большинство писателей первой волны русской эмиграции осознавали себя хранителями и продолжателями русской национальной культуры, видели свой долг в сохранении гуманистических традиций Достоевского, Толстого, Пушкина (его имя было символом для всей русской эмиграции, его юбилеи отмечались как день русской культуры во всех странах русского рассеяния).

Сквозным лейтмотивом всей русской литературы за рубежом проходит тема России, тоски по ней. Воспоминания о России, ее красоте и прекрасных людях вызвали к жизни целый ряд автобиографических произведений о детстве («Богомолье», «Лето Господне» И. Шмелева, трилогия «Путешествие Глеба» Б. Зайцева, «Детство Никиты, или Повесть о многих превосходных вещах» А. Толстого).

Однако наиболее распространенной темой литературы зарубежья была жизнь самой эмиграции. Она отражалась в разных жанрах и стилевых направлениях. Трагедия бытия и способы хотя бы временной победы над ней составляли содержание книг Бунина. Мучительный поиск Бога, смысла жизни и предназначения человека пронизывал стихи и прозу Фельзена. Широкое распространение приобретает и бытовая проза, характерным представителем которой была Ирина Одоевцева. Повседневному быту русских людей за рубежом посвящены книги Н. Берберовой. Некоторые авторы писали об эмигрантском быте в сказовой, близкой к зощенковской манере повествования. Соединение драматизма и комизма, лирики и юмора – особенность творческой манеры Аверченко, Тэффи, Дон-Аминадо. Надо сказать, что почти все оказавшиеся в изгнании известные прозаики принадлежали к реалистической традиции русской литературы. Исключение составлял Ремизов, черпавший свое вдохновение из сверхъестественного.

Мы уже неоднократно поднимали тему сохранения «русскости» в культуре зарубежья, в этой связи надо отметить, что на писателей-реалистов (Бунину, Зайцева, Шмелева, Алданова) практически не оказала заметного воздействия зарубежная литература, их не поглотила литературная среда тех стран, где они проживали. Этим, быть может, и объясняется, почему их переводили гораздо меньше, чем можно было ожидать. Даже присуждение Бунину Нобелевской премии не способствовало заметному росту числа переводов и изданий его сочинений на иностранных языках. Более молодое поколение писателей-эмигрантов не пошло по стопам своих старших коллег. Их не только отличал иной опыт жизни в дореволюционной России, восприятие революции и Гражданской войны, они более глубоко погружались в атмосферу зарубежных стран. Они оказались более восприимчивы к новым

тенденциям, обозначившимся как в советской, так и в западной литературе. Особый вклад молодого поколения писателей-эмигрантов заключался не столько в стилевых новациях и экспериментах, сколько в выборе тем и способах их раскрытия. Они отошли от узкого понимания натурализма, все чаще делая акцент на психологии отдельной личности как реакции на чуждое и необычное окружение. Они испытывали влияние Пруста, Кафки, духовных исканий авангардистов и модернистов 1910 – 20-х гг. Молодые прозаики, чей дебют состоялся в эмиграции, например Сирий (Набоков), Фельзен, Поплавский, Яновский, более или менее последовательно придерживались этой ориентации.

Ситуация в поэзии была сложнее. Новаторство Серебряного века расчистило дорогу для более смелых течений, таких как футуризм. Из старшего поколения признанных лидеров символизма в изгнании оказались Вяч. Иванов, З. Гиппиус, К. Бальмонт. Несмотря на то что они продолжали писать стихи, центр их интересов сместился в другую плоскость или же просто вдохновение оставило их. Иванов, например, приняв католицизм, вообще отдалился от русского зарубежья. Значительной фигурой в поэзии эмиграции была Цветаева, сохранившая тесные связи с модернистами на Родине. Некоторые поэты дебютировали именно в эмиграции в конце 1920 – 30-х гг., причем наиболее ярко выделялась парижская группа. Они проявляли живой интерес к литературным и художественным новшествам Запада, прежде всего Франции (кубизм, дадаизм, сюрреализм). Молодые парижские эмигранты создали практически новую поэзию. Самые большие надежды среди этой группы подавал Поплавский, который умер совсем молодым, так и не раскрыв весь свой талант.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. были периодом расцвета зарубежной литературы. В это время большинством старших писателей были созданы наиболее значительные и, во всяком случае, самые крупные вещи. Появляются новые группировки молодых поэтов – «Перекресток» и «Кочевье» в Париже, «Скит поэтов» в Праге, «Кружок поэтов» в Берлине, поэтические содружества в Варшаве, Белграде и Таллинне (Ревеле), а также на Дальнем Востоке. Возникают новые литературные журналы молодых: «Новый дом», «Новый корабль», «Числа», «Встречи» в

Париже, «Новь» в Таллинне, ряд изданий в Харбине, Шанхае и Сан-Франциско. В Париже вокруг Мережковского и Гиппиус создается кружок «Зеленая лампа», в котором оживленно обсуждаются не только литературные, но и религиозно-философские и политические вопросы. Видную роль в кружке играет «молодежь», т.е. поколение, родившееся на стыке веков.

В начале 1930-х гг. молодые писатели делают попытки войти в общение с французской литературой. Молодой поэт и журналист Всеволод Фохт, совместно с журналистами двух малоизвестных французских журналов, организует франко-русскую студию и устраивает публичные собрания с докладами на различные темы («Толстой в литературе», «Проблема Достоевского», «Достоевский и Запад», «Взаимное влияние современной французской и русской литературы»), причем обычно содокладчиками выступали русский и француз. Очень многие известные зарубежные писатели посещали эти собрания и принимали участие в прениях. Однако вскоре заседания прекратились. Другую попытку установить контакт с современной французской литературой и искусством сделал журнал «Числа», но и тут дело далеко не пошло, да и сам журнал просуществовал недолго. Русские авторы-эмигранты не были широко известны зарубежному читателю. В западной культуре наиболее заметный след оставили те русские авторы, которые писали на одном из европейских языков: Набоков, Труайя, Триоле, а также Шаховская, Кессель, Ольденбург. Язык становился серьезным барьером для восприятия на Западе русской поэзии и литературы. Некоторые авторы оказались совершенно непереводаемыми, как, например, Ремизов, Цветаева. И несомненно, что «бессловесные» искусства, не требовавшие перевода, оказывали наиболее широкое, «массовое» русское воздействие на Запад.

Необходимо немного остановиться и на организационном устройстве эмигрантской литературы. Никакой объединяющей ее общезарубежной организации, подобной Союзу советских писателей, не было. Но во всех главных центрах русского рассеяния существовали Союзы русских писателей и журналистов, объединявшие всех деятелей литературы в местном масштабе. Обычно они возглавлялись видным писателем или журналистом

(в Париже во главе союза стоял Милюков, в Берлине – Гессен, в Праге – одно время Немирович-Данченко). Союзы писателей, помимо забот о некоторых профессиональных, юридических и иных интересах своих членов, исполняли по преимуществу благотворительные функции, помогая по мере сил нуждающимся литераторам (а таких было много и среди самых известных).

За все время существования эмиграции состоялся всего один всеэмигрантский писательский съезд. Он был созван в 1928 г. в Белграде. Практическим результатом съезда был интерес, проявленный в Югославии к изданию произведений русских эмигрантских писателей. На средства, ассигнованные правительством, стала выходить «Русская библиотека», печатавшая ранее не изданные произведения русских писателей-эмигрантов (Булнина, Куприна, Мережковского, Шмелева, Ремизова, Гиппиус, Бальмонта, Амфитеатрова, Тэффи и других писателей, за исключением молодых). Другая серия, под названием «Детская библиотека», включала книги для детей: русские народные сказки, стихи и сказки Саши Черного и др. Целью этих детских изданий была борьба с тем, что русские дети, воспитанные за рубежом, переставали ощущать связь с Россией, на что в то время было много жалоб, особенно во Франции.

В то же время количество издательств в Западной Европе после изобилия их в начале 1920-х гг. резко сократилось. Издание беллетристики сосредоточивалось главным образом в издательстве «Петрополис» в Берлине и при редакции журнала «Современные записки». Возникшее при газете «Возрождение» одноименное издательство издавало беллетристические произведения своих сотрудников (романы Шмелева, Тэффи, Ренникова, Сургучева, Лукаша, собрание сочинений Ходасевича), а также мемуары. Всего труднее было, конечно, молодым поэтам издавать свои стихи, но тем не менее стихов выходило очень много (кому-то удавалось печататься в "толстых" журналах, кто-то публиковался в кредит или за свой счет, что было редко). Главной проблемой опять же была языковая, которая порождала проблему ограниченности аудитории читателей, что в свою очередь вело к финансовым сложностям.

Русская культура в эмиграции развивалась в неотрывной связи с православной религией. Русская церковь в эмиграции возникла не на пустом месте, у нее было две основы: 1) церковные образования и духовенство, находившиеся за границей с дореволюционных времен, 2) Временное Высшее Церковное Управление юго-востока России, духовенство и паства, эмигрировавшие из России.

В начале XX в. Русская православная церковь имела свои приходы не только на территории Российской империи, но и во многих странах мира. Это было связано с двумя задачами православия: во-первых, с окормлением собственной паствы, в том числе и находившейся на территории других государств, и, во-вторых, с миссионерской деятельностью.

Православные церкви, учрежденные при некоторых посольствах, миссиях и консульствах и при дворах Высочайших Особ Императорской фамилии за границей, состояли в ведении Министерства иностранных дел, под непосредственным покровительством и наблюдением русских посланников при дворах; в церковном отношении подчинялись митрополиту Петербургскому. Финансирование осуществлял МИД. Назначение и увольнение священно- и церковнослужителей в заграничные церкви производились Св. Синодом по соглашению с МИД. С 1907 г. при митрополите Петербургском существовало особое викариатство по делам заграничных церквей, за исключением храмов в Афинах и Константинополе, которые находились под юрисдикцией местных православных церквей.

Что касается второго источника для возникновения Церкви в эмиграции, им стало Временное Высшее Церковное Управление (ВВЦУ) юго-востока России и эмигранты. Дело в том, что из-за Гражданской войны связи некоторых епархий с высшими церковными властями Московской Патриархии стали невозможны и они создали собственные органы управления. Одно из них возникло в Омске для Дальнего Востока и Сибири. С отступлением белой армии генерала Колчака оно распалось и не сыграло значительной роли в дальнейшей истории Русской православной церкви за границей, тогда как ВВЦУ юга России преобразовалось в ВВЦУ за границей. Еще находясь в России, этот орган

начал включать в сферу своей деятельности в том числе и заграничные территории, в частности Турцию и русские православные церкви в Западной Европе.

С началом эмиграции Россию покинули 0,5% священников и 10% епископата (34 архиерея)²⁴. Это, надо сказать, не так уж много, учитывая численность эмиграции. Священнослужителей катастрофически не хватало для окормления той огромной массы беженцев, которая оказалась вне России. Поэтому к этой работе приходилось приобщать людей других самых разнообразных профессий, склонных и способных к духовной деятельности. Положение паствы, оказавшейся вне границ окормления своей патриархии, было непонятно. Согласно канонам, такие верующие должны были переходить в юрисдикцию местных автокефальных православных церквей, не порывая при этом связи с Матерью-Церковью и “вознося” на богослужении имя своего Патриарха. И действительно, ВВЦУ поначалу хотело прекратить свою деятельность и попросило патриарха Константинопольского, на территории которого оно первоначально действовало, о возглавлении русских верующих. Но, ознакомившись с реальной ситуацией на местах, ВВЦУ верно заметило, что количество русских прихожан, прибывших в Константинополь, в несколько раз превышало собственно константинопольскую паству, поэтому Константинопольская Патриархия даже при желании физически не смогла бы окормлять русскую паству. ВВЦУ пришлось к выводу о необходимости продолжения своей деятельности за границей. ВВЦУ постепенно утратило из своего названия дополнение «юга России» и стало называться ВВЦУ за границей. Дальнейшее расселение эмиграции и ухудшение отношений с Константинопольской Патриархией привело к тому, что ВВЦУ в 1921 г. переезжает в Сербию, в г. Сремски Карловцы, где и находится вплоть до начала Второй мировой войны. Кстати, по местопребыванию впоследствии Церковь за границей получила наименование «карловацкая», а ее приверженцы стали называться «карловчанами».

В ноябре 1921 г. созван первый Церковный Собор РПЦ за границей. Монархисты оказались более сплоченными на соборе.

---

²⁴ Kovalevsky P. La Dispersion Russe. Chauny (Aisne), 1951. P. 7.

Начался Собор с чтения приветствий генералу Врангелю, представителям династии Романовых, что уже само собой говорит о характере и направлении этого мероприятия. Собор обсуждал не только и не столько религиозные проблемы и вопросы внутреннего церковного строительства, сколько общеполитические проблемы, такие, например, как отношение к учению социализма и т.д. Одним из наиболее спорных вопросов, вызвавших бурные дискуссии на Соборе, стало обращение “К чадам в рассеянии сущим”, в котором призывалось отстоять Россию, выступить на защиту Церкви против большевиков. Собор указывал, что только монархия является единственно приемлемой формой правления для России и Русской православной церкви. Собор призывал встать с оружием в руках против большевиков и восстановить законную власть в лице монарха из дома Романовых. Другой наиболее скандально известный документ, который был издан уже после Собора, но по его заданию, – воззвание к международной Генуэзской конференции. В нем страны – участницы конференции призывались поддержать материально (в том числе и вооружением) эмиграцию в ее борьбе с Советской властью и не вступать ни в какие отношения с Советской Россией. Поскольку эмиграция официально находилась в юрисдикции Московской Патриархии, то эти документы рассматривались советскими властями как одобренные ее высшими органами и, в частности, Патриархом и явились еще одним поводом к обвинению Церкви в ее антисоветизме и еще более осложнили государственно-церковные отношения в России. В итоге Патриарх Московский Тихон в 1922 г. вынужден был издать постановление о роспуске заграничного ВЦУ. Однако это не возымело действия, так как на месте ВЦУ были созданы Архиерейские Синод и Совет, которые и возглавили Русскую православную церковь за границей впоследствии.

Уже на соборе возникли первые разногласия, которые обострились после роспуска ВЦУ и привели к окончательному разделению церкви за границей после смерти Патриарха Тихона. В 1927 г. была опубликована знаменитая Декларация заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), в которой он призывал к лояльности по отношению к Со-

ветской власти, в чем духовенство должно было дать расписки. Как в России, так и за границей церковный клир и миряне по-разному отнеслись к этому документу. Одни отказались его подписывать, объявили Сергия советским митрополитом, откололись от Московской Патриархии. Другие подписали этот документ, считая, что у заместителя Патриаршего местоблюстителя не было другого выхода для сохранения церкви. В результате как на родине, так и в эмиграции возникло несколько церковных образований, которые продолжали свою деятельность на протяжении всего советского периода, некоторые из них и до сих пор действуют независимо от Московской Патриархии. Остановимся отдельно на каждой из русских зарубежных церковных организаций, претендующих на церковную власть в эмиграции.

Начать следует с продолжателя дела ВВЦУ – Русской православной зарубежной церкви («карловацкой»). Возглавлял ее в довоенный период сначала митрополит Антоний (Храповицкий), а затем митрополит Анастасий (Грибановский). Ее сторонники не подписали документов о лояльности Советской власти, считая, что Церковь в России оказалось в полной зависимости от Советской власти и больше не выражала своей воли, т.е. стала попросту Советской. С этого времени эти зарубежники окончательно обособились и стали самоуправляемой и независимой церковной властью. Это консервативное, ортодоксальное направление, которому чужды новшества и нововведения, характеризующееся практически полным отсутствием литургического творчества. Паства этой церковной организации проживала в основном на территории Югославии, Германии, Дальнего Востока (т.е. там, где были сильны монархисты). До 1940-х гг. она пользовалась официальным признанием всех православных церквей, однако война изменила отношение к СССР, изменилось отношение и к этой церкви в связи с отношением к гитлеровской политике.

Другая церковная эмигрантская организация – «евлогийская», по имени своего руководителя митрополита Евлогия (Георгиевского). До 1927 г. это была часть Русской православной церкви за рубежом, а точнее ее Западно-Европейская епархия. Однако ее руководитель поддержал Декларацию митрополита Сергия (Страгородского), и большинство ее священнослужителей

подписали документы о лояльности Советской власти, тем самым перейдя официально под юрисдикцию Московской Патриархии. Однако в 1931 – 1932 гг. митрополит Евлогий участвовал в ряде молений за убиенных и гонимых, и митрополит Сергей потребовал новых обязательств о лояльности Советской власти. Не получив таковых, митрополит Евлогий был снят Московской Патриархией со своего поста, на его место был назначен митрополит Елевферий (Богоявленский), однако паства не оставила Евлогия, и большинство прихожан и священнослужителей пошли за ним. Митрополит Елевферий возглавил Западно-Европейскую епархию в юрисдикции Московской Патриархии. Что касается Евлогия и его последователей, то, порвав каноническую связь с Русской церковью, они тем не менее не пожелали воссоединиться с «карловчанами». Они пошли собственным путем, став в 1933 г. экзархатом Константинопольского Патриархата. Как видно из названия епархии-экзархата, его паства располагается на территории Западной Европы, по большей части во Франции, немного в Германии. Культурное и философское влияние на эмиграцию этой ветви оказалось непропорционально велико по сравнению с количественными размерами. В лоне этой «парижской» юрисдикции в 1920-е гг. были созданы Богословский институт преп. Сергия, Русское студенческое христианское движение (РСХД), а также (под руководством Бердяева) Религиозно-философская академия, журнал «Путь» и издательство YMCA-Press. Это демократическое направление, приветствующее развитие теологии, поддерживающее экуменизм.

В Северной Америке, где православие имеет более давнюю традицию (на Аляске с 1794 г.), еще до революции существовала епархия Московской Патриархии. Расстояние делало свое дело, и это церковное образование постоянно стремилось к отделению. Еще в начале XX в. будущий патриарх Тихон, который возглавлял тогда американскую епархию, писал о необходимости дарования этой церкви статуса автономии, или даже автокефалии. Этому воспрепятствовала Октябрьская революция, в том числе наплывом эмигрантов, не желавших рвать связь с Россией и затормозивших этот процесс. Но постепенно ассимиляция брала свое, оказывая влияние и на митрополита Платона (Рождествен-

ского), который возглавлял американскую епархию. Стремление к независимости (при отсутствии условий для канонически верного обретения этой независимости) и стало причиной откола Американской митрополии от Зарубежной церкви (1924 г.).

Границы между всеми тремя ветвями были подвижными. Изначально единая эмигрантская Церковь раскололась, затем вновь примирилась на короткое время (1934 – 1935 гг.) с митрополитом Евлогием (без административного подчинения), тогда же (после смерти митрополита Платона в 1934 г.) американская митрополия воссоединилась с Зарубежной церковью на период до 1946 г.

Были и другие православные церковные образования, стремившиеся к отделению от Московской Патриархии, и впоследствии действительно ставшие самостоятельными. Это епархии, а затем в ряде случаев автономные церкви на территории Латвии, Литвы, Польши, Финляндии и Эстонии, а также в Бессарабии.

Подводя итог развитию русской культуры в эмиграции, хотелось бы отметить несколько основных моментов, характеризующих ее. Прежде всего, культуре российского зарубежья было свойственно, с одной стороны, стремление сохранить дореволюционные русские традиции, с другой – развивать новые формы искусства (больше характерно для молодого поколения эмиграции). В этой ситуации наметился сдвиг эстетических вкусов в сторону консерватизма (реалистическая школа, модерн, национальные мотивы), возвращения к прошлому. Можно сказать о неравномерном развитии творчества русской интеллигенции в эмиграции: более активное и интенсивное развитие, интеграция в международную культуру живописи, музыкальной культуры, балета, не связанных языковым барьером и более медленное развитие и постепенное затухание русскоязычных литературы, театра и кино.

Вопросы для самоконтроля

1. Назовите крупнейших представителей русской литературы в эмиграции.
2. Расскажите о художниках русского зарубежья.
3. Перечислите главные вехи в истории русской церкви за рубежом.

Источники и литература

1. Агеносов, В.В. Литература русского зарубежья (1918 – 1996) / В.В. Агеносов. – М., 1998. – 543 с.
2. [Бочарова, З.С.] Русские беженцы: проблема расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения: 1920 – 1930-е гг. – М., 2004. – 399 с.
3. Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции: Российский военный сборник. Вып. 16. – М., 1999. – 636 с.
4. Гуль, Р. Я унес Россию. Т. 1 – 3. – М., 2001.
5. Диаспора. Альманах. Новые материалы. Вып. 1 – 7. СПб.; Париж, 2001 – 2005.
6. Жуков, А.Ф. Отечественная история. Российская эмиграция. 1917 – 1930-е гг.: учеб. пособие / А.Ф. Жуков, Л.Н. Жукова. – СПб., 2002. – 64 с.
7. Зарубежная Россия. 1917 – 1939: сб. ст. Кн.1-2. – СПб., 2003. – 512 с.
8. Зарубежная Россия. 1917 – 1939: сб. ст. – СПб., 2000. – 444 с.
9. Ипполитов, С.С. История России: (российская эмиграция: интеграция в европейском обществе в 1920 – 1930-х гг.): учебно-методический модуль / С.С. Ипполитов. – М., 2003. – 319 с.
10. Ипполитов, С.С. Три столицы изгнания. Константинополь, Берлин, Париж. Центр зарубежной России в 1920-х – 1930-х гг. / С.С. Ипполитов, В.Н. Недбаевский, Ю.И. Руденцов. – М., 1999. – 206 с.
11. Ипполитов, С.С. Российская эмиграция и Европа: несостоявшийся альянс / С.С. Ипполитов. – М., 2004. – 376 с.
12. Карпов, Н. Крым – Галлиполи – Балканы / Н.Карпов. – М., 2002. – 168 с.
13. [Квакин, А.В.] Культура русского зарубежья / А.В. Квакин. – М., 1995. – 219 с.

14. Костиков, В.В. Последний пароход / В.В. Костиков. – М., 2004. – 206 с.
15. Назаров, М.В. Миссия русской эмиграции / М.В. Назаров. – М., 1994. – Т. 1. – 416 с.
16. Наука, культура и политика русской эмиграции: сб. ст. и материалов. – СПб., 2004. – 256 с.
17. Огороков, А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920 – 1945 гг.) / А.В. Огороков. – М., 2000. – 120 с.
18. Огороков, А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920 – 1945) / А.В. Огороков. – М., 2001. – 593 с.
19. Огороков, А.В. Русская эмиграция: политическая, военно-политическая и воинская организации 1920 – 1990 гг. / А.В. Огороков. – М., 2003. – 329 с.
20. Очерки антибольшевистской эмиграции 1920 – 1940-х гг. Вып. 4. – М., 2002. – 295 с.
21. Политическая история русской эмиграции. 1920 – 1940 гг.: Документы и материалы: учеб. пособие / под ред. А.Ф. Киселева. – М., 1999. – 776 с.
22. Проблемы изучения истории российского зарубежья / ред. Ю.А. Поляков. – М., 1993. – 103 с.
23. Проблемы истории русского зарубежья: материалы и исследования / Ин-т всеобщ. ист. Вып. 1. – М., 2005. – 453 с.
24. Раев, М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919 – 1939 / М. Раев. – М., 1994. – 296 с.
25. Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: новые документы материалы. сб. ст.: сост. Т.А. Пархоменко; ред. К.З. Акопян. – М., 2001. – 228 с.
26. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): учеб. пособие для студентов. – М., 1994. – 116 с.
27. Российское зарубежье: История и современность / Под ред. А.В. Квакина, В.Н. Расторгуева, А.В. Серегина, Э.А. Шулеповой. – М., 1998. – 295 с.
28. Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов / сост. А.И. Петрушева, Е.Ф. Теплова. – М., 1995. – 443 с.

29. Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Т. 1 – 4. – М., 2003 – 2005.

30. Русская военная эмиграция 1920 – 1940-х гг. Документы и материалы. Т. 1. – М., 2001.

31. Русская эмиграция в Европе: 20 – 30-е гг. XX в. Вып. 1 – 2. – М., 1996, 2005. (Серия «Русское зарубежье. Источники и исследования»).

32. Русские без отечества: Очерки антибольшевистской эмиграции 20 – 40-х годов. – М., 2000. – 497 с.

33. Русское зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль: Российский военный сборник. Вып. 6. – М., 1994. – 309 с.

34. Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. – М., 1997. – 742 с.

35. Русское зарубежье: Очерки. – М., 1999. – 162 с.

36. Русское Зарубежье: трагедии, надежды, жизнь. – М., 1993. – Вып. 1. – 239 с.

37. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. – М.; Париж. 1993 – 1997. Т. 1 – 4.

38. Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование. Монография / Федеральная архивная служба России. Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела. – Тверь, 2002. – 431 с.

39. Самин Д.К. Самые знаменитые эмигранты России. – М., 2000. – 512 с.

40. Свириденко, Ю.П. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920 – 1945 гг. / Ю.П. Свириденко, [В.Ф. Ершов]. – М., 2000.

41. Современное русское зарубежье. (Книга для ученика и учителя). – М., 2001. – 520 с.

42. Стефан, Д. Русский фашизм. Фарс и трагедия в эмиграции 1925 – 1945. – М., 1992.

43. Суомела, Ю. Зарубежная Россия. Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской

прессы в 1918 – 1940 гг. / Авт. пер. с финск. Л.В. Суни / Ю. Суомела. – СПб., 2004. – 352 с.

44. Сухарев, Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья: В 2 кн. / Ю.Н. Сухарев. – М., 2002.

45. Ушкалов, И.Г. Эмиграция: взгляд с Востока и с Запада / И.Г. Ушкалов, С.Л. Иванов. – М., 1991. – 64 с.

46. Фрейкман-Хрусталева, Н.С. Эмиграция и эмигранты: История и психология / Н.С. Фрейкман-Хрусталева, А.И. Новиков / науч. ред. Г.А. Тишкин. – СПб., 1995. – 153 с.

47. Чистяков, А.А. Убить за Россию! Из истории русского эмигрантского «активизма» 1918 – 1939 гг. / А.А. Чистяков. – М., 2000. – 140 с.

48. Шлёгель, К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945) / К. Шлёгель / пер. с нем. Л. Лисюткиной. – М., 2004. – 632 с.

49. Эмиграция и репатриация в России. – М., 2001. – 490 с.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Численность и состав русской эмиграции	6
Глава 2. Основные центры расселения эмигрантов	16
Глава 3. Эмигрантский быт	41
Глава 4. Основные политические течения в эмиграции.....	52
Глава 5. Культурная жизнь русской эмиграции.....	73
Источники и литература.....	96

Учебное издание

Федюк Владимир Павлович
Урядова Анна Владимировна

История русской эмиграции.
1917 – 1939 гг.

Учебное пособие

Редактор, корректор В.Н. Чулкова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 30.10.2006 г. Формат 60x84/16. Бумага тип.
Усл. печ. л. 5,81. Уч.-изд. л. 5,0. Тираж 100 экз. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в редакционно-издательском отделе ЯрГУ.
Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

Отпечатано
ООО «Ремдер» ЛР ИД № 06151 от 26.10.2001.
г. Ярославль, пр. Октября, 94, оф. 37
тел. (4852) 73-35-03, 58-03-48, факс 58-03-49.